

В. А. Соснин
Т. А. Нестик

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ

социально-психологический анализ

Вячеслав Соснин

**Современный
терроризм. Социально-
психологический анализ**

«Когито-Центр»

2008

Соснин В. А.

Современный терроризм. Социально-психологический анализ /
В. А. Соснин — «Когито-Центр», 2008

Книга посвящена острой проблеме современной цивилизации – терроризму как социокультурному и социально-психологическому феномену. Осуществлен системный теоретико-методологический анализ исследований проблемы терроризма, рассмотрены социальные и социально-психологические основания его возникновения, проанализирована социально-психологическая специфика глобализации и ее связь с проблемой терроризма. Особое внимание уделено анализу мотивации терроризма, социокультурному идентификационному подходу для объяснения детерминации террористической деятельности. Книга адресована, в первую очередь, специалистам в области социальной психологии, социологии и политологии, она будет полезна преподавателям и студентам психологических и социологических факультетов вузов.

© Соснин В. А., 2008

© Когито-Центр, 2008

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Раздел I	11
Глава 1	12
1.1. Проблема терроризма: исторические параллели	13
1.2. Социальные и социально-психологические индикаторы коллективного насилия как детерминанты террористической деятельности	18
1.3. Феномен терроризма в современной России	21
Глава 2	25
2.1. Концептуальный анализ терминологического языка описания проблематики терроризма	26
2.2. Проблема концептуализации и типологизации феномена терроризма	30
Глава 3	36
3.1. Психологическое состояние общества как базовый источник терроризма	36
3.2. Психологические концепции, релевантные для понимания феномена терроризма	36
3.3. Социально-психологические основания терроризма	39
3.4. Социально-психологические аспекты глобализации	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

В.А. Соснин, Т.А. Нестик

Современный терроризм.

Социально-психологический анализ

Рецензенты:

доктор психологических наук *В.Е. Семенов*,

доктор психологических наук, профессор *Н.П. Рапохин*

Введение, главы 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9 написаны В. А. Сосниным;

главы 7 и 10 написаны Т. А. Нестиком;

глава 6 и заключение написаны совместно.

© Институт психологии Российской академии наук, 2008

Предисловие

В данной монографии авторы развивают новое направление отечественной социальной психологии – «Социальная психология терроризма». Необходимость разработки этой отрасли психологической науки вызвана насущными потребностями человеческой цивилизации – необходимостью осмысления, анализа и противодействия грозной проблеме международного терроризма, вставшей перед мировым сообществом на пороге третьего тысячелетия.

Терроризм как системный социокультурный и социально-психологический феномен по своему содержанию и последствиям – это одновременно преступное, политическое, социальное, психологическое и морально-нравственное явление. Из числа этих факторов и детерминант психологические изучены менее всего, и они менее всего понятны, хотя, несомненно, принадлежат к числу важнейших.

До последнего десятилетия проблема терроризма исследовалась, прежде всего, историками, социологами и политологами, а социальные психологи этой проблеме уделяли меньшее внимание. Однако, начиная с середины 1990-х годов, в мировой исследовательской практике (в том числе и отечественной) наблюдается резкая активизация психологических и социально-психологических исследований по этой проблеме.

В отечественной социально-психологической литературе появились работы, в которых предпринимаются попытки осмысления и разработки подходов к анализу этого феномена с позиций социальной психологии (Ю.М. Антонян, С.Н. Ениколопов, А.П. Назаретян, А. Налчаджян, Д. В. Ольшанский, М.М. Решетников, Н. П. Фетискин, С.В. Цыцарев, А.И. Юрьев и др.).

В данной монографии, посвященной в первую очередь изучению социально-психологических аспектов терроризма, авторы осуществили системный теоретико-методологический анализ проблемы терроризма в мировой и отечественной исследовательской практике и тем самым заложили основы нового направления в отечественной социальной психологии.

Оригинальность анализа проблемы терроризма, осуществленного авторами данной книги, состоит в комплексном рассмотрении социокультурного идентификационного подхода для объяснения мотивации и детерминации террористической деятельности с учетом социокультурного контекста. Этот подход проработан и использован авторами для анализа проблемы на трех уровнях: индивидуально-психологическом, внутри- и межгрупповом. Именно такой комплексный подход к анализу феномена терроризма заложил основы нового направления в отечественной социальной психологии.

Монография охватывает широкий спектр социально-психологических аспектов терроризма, некоторые из них постепенно становятся предметом отдельных исследовательских направлений. В частности, предлагаемый авторами социокультурный подход оказывается перспективным при изучении таких проблем, как мотивация терроризма на индивидуально-личностном уровне, формирование групповой идентичности и вторичная социализация террориста, внутригрупповые процессы в террористической организации, развитие психологической травмы в результате терактов, оказание психотерапевтической помощи непосредственным и косвенным жертвам.

Помимо уже сформировавшихся новых самостоятельных парадигм в психологии терроризма, таких как психология мира, особенно многообещающими оказываются перспективные исследования, намеченные авторами на внутригрупповом и межгрупповом уровнях социально-психологического анализа (внутригрупповая динамика, социокогнитивные процессы и лидерство в террористической организации, кооперация и соперничество между террористическими группами, психологические аспекты антитеррористической деятельности и др.).

*доктор психологических наук,
профессор АЛ. Журавлев*

Введение

Психологическая наука как отрасль знания, предметом которой является изучение поведения и психологических характеристик индивидуальных и групповых субъектов, по своей социальной сущности ориентирована на формирование нравственно зрелой личности и организацию стабильного и продуктивного функционирования социума. В этом состоит ее основная *гуманистическая* направленность и вклад в решение проблем сохранения мира.

Можно выделить два аспекта реализации психологией ее миротворческой функции. Первый аспект связан с *опосредованным вкладом* психологии в борьбу за мир путем формирования гуманистических ориентации, позитивного восприятия и установления отношений на основе принципов понимания и принятия, через осознание личностью своей ценности. Второй аспект – непосредственное решение психологией научных и практических задач, направленных на предотвращение угроз стабильному и мирному существованию человеческой цивилизации (Кольцова, Нестик, Соснин, 2006).

В этой связи на пороге третьего тысячелетия перед мировым социумом встала грозная проблема международного терроризма. Трагические события 11 сентября 2001 г., а также другие многочисленные атаки террористов в последние годы продемонстрировали, что нельзя игнорировать возрастающие риски и последствия терроризма.

Даже беглый взгляд на статистику криминальных ситуаций в России свидетельствует об угрожающем росте преступлений террористического характера за последнее десятилетие. Их динамика, по статистическим отчетам, выглядит следующим образом:

- терроризм (ст. 205 УК РФ): 1997 г. – 32 преступления; 1998 г. – 21; 1999 г. – 20; 2000 г. – 135; 2001 г. – 327; 2002 г. – 360; 2003 г. – 526; 2004 г. – 265;
- организация незаконного вооруженного формирования, участие в нем (ст. 208 УК РФ) в указанные годы составляют (соответственно) – 9, 2, 9, 340, 165, 135, 267, 212 выявленных фактов.

В 1993 г. выявлено 15 лиц, совершивших преступления террористического характера, а в 2004 г. их число составило 1019 человек (Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006).

«Успех борьбы с современным терроризмом во многом зависит от знания причин, условий и предпосылок его возникновения и активизации. События последнего десятилетия в мире и в России привлекают повышенное внимание ученых и политиков к проблеме выяснения этих причин» (Иванов, 2004, с. 3). Основания терроризма имеют комплексный характер, как системный феномен он включает исторические, политические, экономические, социальные и психологические факторы и детерминанты. Из числа этих факторов и детерминант психологические изучены менее всего, и они менее всего понятны, хотя, несомненно, принадлежат к числу важнейших.

Ясно, что всестороннего, исчерпывающего понимания этого феномена можно достичь с помощью мультидисциплинарного и мультикультурного подхода. В конце концов, террористический акт направлен на изменение психологического состояния людей, его цель – создание психологической атмосферы террора у широких масс населения. Терроризм по своему содержанию и последствиям – это одновременно преступное, политическое, социальное, психологическое и морально-нравственное явление. Жертвами террористов являются, как правило, невинные люди, которые, не подозревая того, предстают в виде «расходного материала» в воспаленном сознании и расчетах террористов, воспитанных на идеях ненависти, нетерпимости и насилия, несправедливости, унижения и жестокого обращения. И даже когда террористический акт осуществляется одним лицом, его мотивацию можно понять, только используя психологический подход, который содержит базовую идею: человеческая психика опирается на широкий социальный контекст.

Термин «психологический» относится к тесному, близкому и интерактивному взаимоотношению между человеческой психикой и различными социальными контекстами. В этой связи необходимо подчеркнуть важность понимания культурных различий в мировоззрении и ориентациях людей, что не влечет за собой ни апологии, ни осуждения какой-либо нации или этнической группы в свете последних событий нарастания террористической активности в мире. Это означает, что понимание причин и сдерживание терроризма не может быть достигнуто посредством «демонизации» или очернения конкретных индивидов и групп. «До тех пор пока мы не поймем перспективы на будущее различных культур на земном шаре, мы как человеческие существа и как сообщества будем ограничены в своих способностях жить успешно. Мир, наши общие цели смогут одержать победу только через углубленное психологическое понимание тех сложностей, в которых человеческие существа, побуждаемые и характеризующие различными мотивациями, установками и восприятиями, придут к одобрению и предпочтению одних форм поведения над другими» (Moghaddam, Marsella, 2004, p. 3).

Все культуры имеют свою теорию поведения (даже если они имплицитны) и представления о связях между поведением и мировоззрением, картиной мира, в котором они живут. Эта картина мира (сконструированный мир) одновременно и формируется, и поддерживается посредством процесса социализации, который объединяет людей во взаимосвязанных институциональных образованиях (сообществах, организациях, учреждениях), включающих семью, школу, а также различные политико-экономические и религиозные образования. В конечном счете именно через изменения в этой институциональной матрице сама человеческая психика может изменяться и структурироваться в направлении более широких и менее этноцентричных взглядов на реальность окружающего мира.

То, что сегодня поставлено на карту в связи с процессом глобализации, для многих наций, государств и социально-культурных групп – *это культурная идентичность, смысл существования, сохранение статуса в мировом социуме, благополучие и выживание*. Проблема выживания стала «ключевым аргументом», оправдывающим непосредственные действия даже тогда, когда создаются новые прецеденты в международных отношениях, дипломатии и способах ведения войны.

Правительства ряда стран (США, Великобритании, Израиля) считают, что терроризм можно победить посредством проявления бдительности, жестких контртеррористических мер и путем уничтожения террористических ресурсов. Однако эти меры сами по себе никогда не смогут оказаться достаточными, чтобы остановить «поток терроризма», который истекает из человеческой неудовлетворенности и возмущения существующим неравенством и безразличием, из широко распространенных убеждений о том, что насилие – это приемлемое средство подавления и нанесения ущерба (применение принципа «Цель оправдывает средства»). Социальные изменения, вызываемые во всем мире глобализацией по западному образцу, ведут к возникновению серьезных угроз и проблем для многих стран и народов «незападной цивилизации». Эти проблемы игнорируются западными странами в их стремлении получить «сиюминутные» временные выгоды для себя. Возникающие гнев и раздражение направляются против «вестернизации» с акцентом на потребление и расточительство, эксплуатацию и достижение прибыли любой ценой.

Западная ценностно-цивилизационная парадигма существования делает акцент на индивидуализме, прагматизме, потребительстве, конкуренции и поэтому находится в конфликте с традиционными культурными ценностями коллективистических культур, для которых главными являются коллективизм, духовность, стабильность, иерархия фиксированных ролей и сотрудничество.

Терроризм можно сдерживать, но его невозможно победить до тех пор, пока существуют реальные факторы, несущие угрозу справедливости, которые питают ненависть, жажду мести и способствуют их широкому распространению. В борьбе с терроризмом возможны военные

успехи, но неизбежно наступает момент, когда необходимо понять сильные и слабые стороны человеческой психики и культурной среды, в которой они формируются и поддерживаются.

Следует отметить, что до последнего десятилетия проблема терроризма исследовалась, прежде всего историками, социологами и политологами, а социальные психологи этой проблеме уделяли меньшее внимание. Однако начиная с 1990-х годов в мировой исследовательской практике наблюдается резкая активизация именно социально-психологических исследований по данной проблеме. В целом в психологической науке указанная проблема изучается в рамках таких направлений, как психология конфликта, политическая психология и психология межгрупповых отношений.

В данной работе, посвященной в первую очередь анализу социально-психологических аспектов терроризма, нет необходимости вдаваться в подробный обзор исторической динамики этого феномена. Заинтересованный читатель может обратиться к многочисленным источникам, «покрывающим» все аспекты проявления этого феномена в истории человеческой цивилизации. Социально-психологический анализ проблемы терроризма в мировой исследовательской практике, прежде всего, проблем мотивации и причин возникновения терроризма в современном мире, которые в содержательном плане дают возможность размышлять о путях и способах противодействия этой «чуме третьего тысячелетия», представляется и оправданным, и актуальным.

Раздел I

Основания и истоки терроризма: историческая динамика и эволюция представлений

Глава 1

Исторические истоки терроризма: состояние и тенденции, феномен терроризма в России

Когда произносится слово «терроризм», у разных категорий людей возникают свои индивидуальные представления о содержании и понимании этого социально-политического, этно-религиозного и индивидуально-психологического феномена. Определенные и далеко не всегда совпадающие представления о нем сложились у политологов, историков, юристов, социологов и социальных психологов. Можно говорить и об обыденных представлениях о терроризме, которые преобладают у населения конкретных стран. Это свидетельствует о том, что феномен терроризма имеет системные, многоуровневые корни (Кива, Федоров, 2003; Лунев, 2004; Виктук, 1993; Паин, 2002; Blumberg, 2002 и др.).

Основная цель данной главы – обозначить на отдельных исторических примерах сущность данного феномена, его истоки и – главное – социально-политический и социокультурный контекст.

В научной литературе по проблемам терроризма ведутся споры о том, когда данный феномен возник в истории человеческой цивилизации. По этому вопросу существуют две крайние позиции. Первая позиция: возникновение этого явления как инструмента идейно-политической борьбы конкретных групп людей за власть, выживание и сохранение своей этнокультурной самобытности с периода возникновения цивилизации. Вторая крайняя позиция: феномен терроризма фактически возникает как идейно-политический и этнокультурный компонент социально-группового сопротивления в начале XIX в. Наиболее четко обе эти точки зрения отражены в работах известного отечественного специалиста по истории терроризма О.В. Будницкого (Будницкий, 2000, 2004).

По данным О.В. Будницкого, одни историки и политологи приравнивают к терроризму любое политическое убийство и находят корни терроризма в античных временах и даже раньше (Laquer, 1979); другие ученые относят феномен терроризма к концу XIX в. (Alexander, Maxwell, 1979; Чаликова, 1989.); третьи – возводят терроризм к специфической исламской традиции XI–XII вв.; четвертые – связывают происхождение современного терроризма с эпохой постнаполеоновской Реформации.

«Нам представляется справедливым, – отмечает Будницкий, – мнение историков, относящих возникновение явления, именуемого терроризмом, к последней трети XIX века... Возникновение революционного терроризма современники событий относят к рубежу 70-80-х годов девятнадцатого века, справедливо усмотрев в нем явление новое и не имеющее аналогов. Разумеется, политические убийства практиковались в Европе и ранее... Однако говорить о соединении идеологии, организации и действия – причем носящем публичный характер – мы можем говорить лишь применительно к последней трети XIX века. В это время террор становится системой действий революционных организаций в нескольких странах, найдя свое классическое воплощение в борьбе «Народной воли» (хотя сами народовольцы не рассматривали свою организацию как исключительно или даже преимущественно террористическую» (там же, 2004, с. 7).

В целом, склоняясь к позиции О.В. Будницкого, по-видимому, следует признать, что идейные истоки современного терроризма, по крайней мере, в ряде типичных исторических примеров, можно найти и в древние времена (см., например: Marsella, 2004).

В этой связи сразу определимся с основными исходными положениями анализа. Мы будем отталкиваться:

- во-первых, от концепции исторического сознания народов и групп о «справедливом» государственном устройстве и функционировании социума;
- во-вторых, от понимания терроризма как «двустороннего» феномена, т. е. государственного терроризма властных структур для сохранения своих властных полномочий, с одной стороны, и, с другой – «терроризма низов», не согласных с политикой властных структур;
- в-третьих, от проблемы сохранения социокультурной идентичности группового образования как внутри государственного устройства, так и в условиях межгруппового социокультурного развития;
- в-четвертых, от понимания терроризма как противоправного или экстремального использования насилия против мирного населения для достижения своих политических целей (Laqueur, 1987);
- в-пятых, от важности социально-психологических условий и детерминант, обуславливающих функционирование этого геополитического феномена.

1.1. Проблема терроризма: исторические параллели

Терроризм с древних времен до Второй мировой войны. В исторической ретроспективе группа людей, которая однозначно с современных позиций рассматривается как террористическая, – это зилоты первого века от рождения Христа в Иудее. Они противостояли римскому владычеству и стремились освободиться от него. Отдельные зилоты-экстремисты убивали римлян и иудеев, сотрудничавших с римской властью. Цель их сопротивления состояла в том, чтобы «катализировать» сопротивление среди гражданского населения и повлиять на освобождение от римского владычества в долгосрочной перспективе. Что превращало эти убийства в акты террора и в инструмент социального влияния – это выбор места их совершения: публичные места с большим скоплением людей. В отсутствие средств массовой информации в те времена единственным правильным путем быстрого оповещения о шокирующем акте насилия состоял в том, чтобы совершить его в массовых публичных местах. Зилоты понимали, что их акты насилия никогда не окажут какого-либо разрушительного влияния, не станут военным потрясением для оккупационных властей Рима. Но они надеялись, что эти акты, тем не менее, смогут привести к желаемым политическим изменениям. Кроме этого, террористы обычно стремились оказать влияние не только на непосредственных «зрителей» совершения террористического акта. Насилие зилотов выступало как средство для «сообщения» определенного послания конкретной целевой аудитории – римской власти, прямым и потенциальным еврейским коллаборационистам и другим евреям – о возможности освобождения от имперского ярма (Gerwer, Hubbard, 2007).

Для римлян это было выражением целенаправленного сопротивления и отказа от повиновения; для реальных и потенциальных коллаборационистов – угрожающим предупреждением; для рядовых евреев – приглашением к объединению и сплочению, чтобы совершить священный акт восстания.

Исторический пример террористической активности зилотов во многих аспектах может выступать прототипом современного терроризма и террористов:

- по своему содержанию – это форма экстремального насилия;
- с точки зрения инструментальной, это способ идейно-политической борьбы в условиях противостояния государства и «населения», отдельных социокультурных групп государства;
- по целям – направленность борьбы на достижение независимости, сохранение и защиту своей социокультурной идентичности и/или справедливого государственного устройства;
- по информационному аспекту это устрашающий инструмент «убеждающей коммуникации»;

– по отношению к психологии субъектов террористической деятельности это либо борцы за свободу, либо преступники, подрывающие устои государства (т. е. понимание терроризма содержит в себе неустранимый элемент идейно-нравственной оценки явления).

Другой исторический аналог современного терроризма и террористов прослеживается в деятельности «Народной воли» в царской России в последней четверти XIX в. (подробнее см.: Будницкий, 2000). «Народная воля» объединяла часть анархистов, которые следовали по стопам известных анархистов-революционеров, таких, как Михаил Бакунин и Сергей Нечаев. В то время как многие социалисты и анархисты верили в «мирное» революционное изменение, Бакунин и те, кто за ним следовал, считали, что насилие является ключевым элементом начала мощной волны политического хаоса, который расшатает устои государственного управления.

Как справедливо отмечает О.В. Будницкий, «...в переходе народников от пропаганды к террору в конце 1870-х годов решающую роль... сыграли факторы не логического, а скорее психологического порядка. Настроение революционеров, отчаявшихся вызвать какое-либо движение в народе, толкало их к более решительным действиям... Народовольцы, признавшись в безрезультатности пропаганды в крестьянстве, стыдливо объявили террор одним из пунктов своей программы» (Будницкий, 2004, с. 15–16).

Народовольцы совершили ряд громких политических убийств, включая убийство царя Александра II, которые произвели колоссальный психологический эффект как на широкие массы населения, так и на государственные структуры, что и являлось их объективной целью. Цареубийство 1 марта 1881 г. стало не только поворотным моментом в истории терроризма в России, но и колоссальным сдвигом в сознании лидеров и членов многих террористических групп в Европе и других регионах мира с точки зрения подтверждения «эффективности» терроризма как инструмента идейно-политической борьбы.

Цареубийство «...доказало, что хорошо организованная группа обыкновенных людей может достичь поставленной цели, какой бы невероятной она ни казалась. Убить «помазанника Божия» в центре столицы, объявив ему заранее приговор! И вся мощь великой империи оказалась бессильной перед «злой волей» этих людей. Сообщения газет о раздробленных ногах божества сделали для подрыва «обаяния» правительственной силы больше, чем тысячи пропагандистских листов, вместе взятых» (там же, с. 16).

Террористическая идея надолго стала господствующей в умах и душах русских революционеров, а также приобрела привлекательность с психологической точки зрения для террористов в других странах мира. Идея революционного насилия, попав на благоприятную почву нищеты и озлобленности, воплотилась в наиболее жестокие и безнравственные формы, привела к рождению «нового типа революционера». Произошло «освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек» (Струве, 1911, с. 516). На смену «разборчивым убийцам» пришли люди, стреляющие без особых раздумий – и не обязательно в министров и карателей, а в тех, кто подвернулся под руку и не вовремя (Камю, 1990, с. 249).

«Жизнеспособность» терроризма в России объяснялась не только тем, что он оказывался временами единственным возможным средством борьбы революционной интеллигенции за осуществление своих целей. Терроризм оказался наиболее эффективным средством борьбы при ограниченности сил и средств. Катастрофические события 1917 г. продемонстрировали возможность очень быстрого распространения насилия при благоприятных обстоятельствах. «Государственный террор, унесший в 1917 году миллионы жизней, – отмечает О. Будницкий, – имеет генетическую связь с террором дореволюционным – как лево- и правозападническим, так и правительственным. И если мы хотим понять, каким образом политические убийства государством своих граждан стали нормой на десятилетия, необходимо обратиться к идейным истокам политического экстремизма в истории России» (Будницкий, 2004, с. 17).

Специалисты, занимающиеся проблемой насилия как способа коммуникации (см., например: Schmid, de-Graf, 1982; Schmid, Jongman, Stohl, 1988 и др.), отмечают, что марги-

нальные группы, стремящиеся к ускорению политических изменений, с появлением средств массовой коммуникации получили новые возможности для совершения актов «экспрессивного насилия». В этом «коммуникационном акте» крайняя жестокость и немедленные последствия являлись непосредственным инструментом для достижения цели. В случае терроризма цель – это всегда экстремальная форма социального влияния: радикальное изменение установок и поведения социальных объектов, на которых направлено это влияние. Исторические примеры зилотов и «Народной воли» являются хорошими иллюстрациями того, что терроризм является выразительным компонентом «экспрессивного насилия», превращающим его в акты «убеждающей коммуникации» или «пропаганды действием».

Антиколониальный и международный терроризм: с окончания Второй мировой войны до 1980-х годов. Терроризм стал обычным явлением на десятилетия после Второй мировой войны. Главными силами и процессами, обусловившими эту эволюцию, явились холодная война, антиколониализм и интенсивное развитие средств массовой информации, особенно телевидения.

В результате холодной войны открытой конфронтации между супердержавами восточного и западного блоков удалось избежать по простой причине – необходимости предотвращения прямого столкновения, которое могло превратиться в глобальный ядерный конфликт. Это привело к росту замещающих кровавых конфликтов на всем земном шаре с массивными потоками материальных и военных ресурсов. Кроме насаждения, поддержки и вооружения авторитарных деспотических режимов, способных осуществлять государственный террор (например, поддержка Соединенными Штатами шаха Ирана и других деспотических режимов на Ближнем и Дальнем Востоке), это привело также к возникновению мятежных вооруженных групп на территории Латинской Америки, Африки, Европы и Азии (например, «Красные бригады», «Фракция Красной армии» и др.¹). Многие из этих групп стали использовать в своей борьбе весь спектр террористических действий, поскольку они стремились разрушить взаимоотношения существующих правительственных режимов со своими сторонниками среди широких слоев населения и в то же время создать свою базу социальной поддержки и подобие легитимности в глазах населения. Будучи замещающими проводниками столкновения двух мировых сверхдержав, эти группы были способны генерировать волны международного шока и получать «политические дивиденды» психологического одобрения от простых людей как действенное средство постоянной поддержки.

Близко связанным с холодной войной было крушение колониальных империй и возникновение националистических групп, стремящихся прогнать иностранных хозяев из своих стран. В своих колониальных бастионах-анклавах в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии империалистические государства внезапно обнаружили «беспокойное» и непокорное население. Для националистических, антиколониальных групп, стремящихся к восстановлению суверенности или достижению власти в своих собственных странах, назрело время радикальных перемен. Однако их ресурсы были ограничены, и обычная война против стран, победивших во Второй мировой войне, была бессмысленной. Отсюда обращение к терроризму как неадекватному, но единственному средству «слабого» против «сильного». По представлениям этих групп, террористические акты можно было использовать как эффективное средство, чтобы заставить колониальные державы переосмыслить цену колониального владычества и одновременно «бросить» объединяющую идею широким народным массам о поддержке их целей в освободительной борьбе.

Важным фактором роста террористической активности в послевоенный период вплоть до окончания холодной войны явилось бурное развитие средств массовой информации. Дело

¹ Обзор и характеристика ряда подобных террористических движений в Европе и других регионах мира, описание их групповой психологической динамики см. в главе 6 настоящей монографии, а также другие источники (напр., Reich, 1998).

в том, что с развитием радио и телевидения в XX в. возникла возможность информировать большие массы населения очень быстро. Более того, побудительной силой, лежащей за фасадом массмедийного сообщества, являлся мотив наживы и прибыли и связанная с ним потребность «завоевать» и «удерживать» в фокусе своего внимания массовую аудиторию (см.: Грачев, 2004). По известной журналистской поговорке: «Плохие новости – это хорошие новости, хорошие новости – это плохие новости, а отсутствие новостей – это также плохие новости». Террористические акты – это эмоционально возбуждающие и определенно плохие новости, поэтому, говоря на журналистском жаргоне, – это «хорошее пастбище для продажи», для читателей, слушателей и выразителей различных точек зрения.

Важным примером терроризма в этот период была террористическая активность сионистских групп в Палестине. Как вспоминает в своей автобиографии «Восстание» М. Бегин (Begin, 1972), сионистские группы, изучая опыт Великобритании в борьбе против ирландского сепаратизма, пришли к выводу, что кампания террора ослабит внутреннюю поддержку Британии, ее колониальному присутствию в Палестине. Более того, эти акты террора смогут одновременно побудить как еврейскую часть населения к образованию независимого еврейского государства, так и повергнутое в страх палестинское арабское население – к уходу с этих территорий. Сионистские группы правильно рассчитали, что кампания террора будет широко освещаться по британским СМИ, аудитория которых устала от продолжающегося конфликта в отдаленном форпосте своей империи и готова была от него избавиться как имеющего незначительную ценность для государства. Сионисты были убеждены, что общественное мнение Великобритании однозначно окажет давление на правительство, чтобы разрешить ситуацию в «нужном направлении». В итоге действительно британское правительство обратилось в ООН за вынесением окончательного решения, которое освободило бы его от возрастающих затрат на сохранение колониального контроля «...и тем самым стало повивальной бабкой гражданской войны, возникшей в Израиле» (Gerwer, Hubbard, 2007).

Другими примерами терроризма в поствоенное время являются боевые действия Алжирского фронта национального освобождения против французского колониального господства (1954–1962), борьба Вьет-Конга против вмешательства США во время Вьетнамской войны (1962–1975). В обоих случаях небольшие группы мятежников, бросающие гранаты в скопления военных и мирное население, стремились добиться наибольших человеческих жертв.

Целью этих террористических актов, по-видимому, было не нанесение какого-то ощутимого военного ущерба оккупационным властям. Скорее цена человеческих жизней, приносимых на «алтарь» террористической активности, была средством коммуникации для населения Франции и США, которое, в свою очередь, по представлениям террористов, будет оказывать нужное давление на своих лидеров и правительства.

Рост религиозного терроризма в период с 1980-х годов до настоящего времени. Светский терроризм – это форма насильственной коммуникации, направленная как на соответствующие сегменты населения, имеющего право голоса, так и на население противника в целом. Религиозный терроризм привлекает для обоснования своих деяний другую «аудиторию» – Бога. В этом случае террористическая активность рассматривается как священная, осуществляемая от имени религиозной преданности, призванная удовлетворить нормам религиозных законов или вызвать к жизни апокалиптические сценарии. Это существенно изменяет оценки терроризма: многие секуляризированные ограничения и критерии обоснования действий нерелигиозной «аудитории» теряют свое значение и фактически не принимаются во внимание. Они полностью замещаются доводами абсолютизма и «чистотой» религиозных догм. Как отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи (см., например: Антонян, Белокуров, Бокоников, 2006; Hoffman, 1995 и др.), секулярные или националистические группы действуют преимущественно в рамках международной политической основы и стремятся изменить суще-

ствующий порядок другим, более «справедливым» со своих идейно-политических позиций². Поскольку их террористическая деятельность объективно рассчитана на секуляризованную, атеистическую аудиторию, нерелигиозный (светский) террор обуславливает необходимость в большей или меньшей степени придерживаться международных норм, связанных с пропорциональностью и допустимой оправданностью применения насилия. Однако эти нормы не действуют в случае религиозного террора. Победа в этом случае не измеряется в земных нормах и представлениях (политических, социальных или экономических), но может рассматриваться в телеологических понятиях и критериях, которые тяготеют к абсолютным, бескомпромиссным категориям и не являются предметом нормативных ограничений. Для религиозных террористов убийство, как священный акт, не является политическим актом. Вместе с тем религиозный терроризм включает в себя компонент социального воздействия и влияния, хотя цель политического и социального влияния редуцируется до простой дихотомии – объединяющего принципа или вдохновляющей идеи, а элемент религиозного изменения становится доминирующим: жертвенность на религиозной почве, апокалиптические состояния сознания.

Другими словами, риторика религиозного терроризма является бескомпромиссной и вызывающей рознь и разногласия, основанной на догматах веры и упрощенной в терминах «добра – зла». Для верующих или потенциальных религиозных сторонников религиозный терроризм – это возможность присоединиться к силам «добра», для колеблющихся – это только конфронтация или молчаливое согласие и подчинение, поскольку компромисс невозможен.

В этой связи показательной является разница между двумя большими террористическими группами – Тамильскими тиграми освобождения (Шри-Ланка) и движением Хамас (Палестина). Первая группа, будучи изначально секулярным этнонационалистическим движением, стремилась к переговорам с правительством Шри-Ланки. Группа Хамас, будучи жестко религиозной и антиссионистской, почти никогда не находила общих оснований для переговоров с израильским правительством. Эта группа, исходя из религиозных оснований, редко была способна или даже стремилась найти общий язык с израильскими властями.

Еще одним примером религиозного терроризма в настоящее время явилась деятельность террористической группы Аум-Сенрике (1989–1995), которая распространяла свою активность на территорию и России, и бывших республик Советского Союза. Эта японская террористическая организация осуществила убийства порядка ста человек и нанесла увечья тысячам людей с намерением начать священную войну с использованием химического, бактериологического и ядерного оружия, которая уничтожит миллионы. Их целью было возвестить людям о начале новой эры, включающей крах современной цивилизации и строительство с «чистого листа» нового «утопического» успешного общества. Однако японские власти энергично взяли за организацию противоборства этой религиозной террористической организации и получили поддержку тысяч простых людей, финансовую помощь бизнес-структур и средств массовой информации во многих регионах мира. Акты терроризма, осуществленные членами Аум-Сенрике, не ограничивались никакими социальными или идейными нормами, кроме «воли и одобрительной санкции» Бога (Шоп, 1999.)

Естественно, обсуждение религиозного терроризма не может упустить из вида деятельности организации Аль-Каида и ее сторонников. Чтобы понять поляризованную идеологию, язык и действия Аль-Каида, необходимо проанализировать пространные высказывания и полемику, «озвученные» бен Ладеном и его сообщниками, включая его «Декларацию джихада против Соединенных Штатов» (см., например: Atwan, 2006; Mohamedou, 2007; Rabasa, 2006).

Пример религиозного языка бен Ладена, взятый из его послания «Фетва» (bin Laden, 1998), иллюстрирует принципы религиозного терроризма, главным образом, для понимания

² Необходимо отметить, что на практике националистический терроризм зачастую трудно отделить от религиозного, так как первый обычно выступает под лозунгами последнего.

того, что секуляризированная мировая аудитория и ее нормы не являются руководящими принципами и ориентациями для террористических действий:

«Право убивать американцев – гражданское население или военнослужащих – это личная обязанность для каждого мусульманина, способного это делать в любой стране, где это возможно делать. Мы с Божьей помощью призываем каждого мусульманина, верящего в Аллаха и стремящегося получить вознаграждение во исполнение Божьего миропорядка, убивать американцев и грабить их деньги там, где это возможно» (цит. по: Gerwer, Hubbard, 2007, p. 96).

Аль-Каида и ее сторонники используют «священное насилие» как инструмент социального влияния. Тем не менее, их «послание» миру является предельно жестким и сеющим распри и разногласия. Их деятельность исходит и базируется на основных принципах ислама, представители которого «принимают власть Ладена» и ее обоснование террористической деятельности. Население «враждебных стран» всегда будет объектом террористических атак, большинство из которых демонизированы или «обесценены», с точки зрения религиозной идеологии Аль-Каиды. Другая аудитория Аль-Каиды – священная – характеризуется теологией Аль-Каиды, имеющей право именно на такие дихотомичные мировоззренческие представления и неограниченные насильственные действия.

1.2. Социальные и социально-психологические индикаторы коллективного насилия как детерминанты террористической деятельности

Поскольку категория «насилие» является ключевой в понимании истоков терроризма, идентификация социальных условий, культурных детерминант и психологических процессов межгруппового взаимодействия, вносящих вклад в проявление коллективного насилия, представляется оправданной.

Общей социальной базой для возникновения массового насилия являются такие социальные условия в обществе, как тяжелые экономические проблемы, затяжные этнополитические конфликты, быстрые социально-культурные изменения или совокупность этих факторов. Они имеют колоссальное фрустрирующее психологическое воздействие: блокируют удовлетворение витальных базовых потребностей людей. Конфликты могут касаться материальных, объективных противоречий, как, например, в случае Палестино-Израильского конфликта, трудностей разделения территории и потребностей наличия жизненного пространства. Но более важно то, что эти противоречия неизбежно проявляются в психологии взаимодействия групп. Территория – это часть социокультурной идентичности группы. Это может быть история взаимного недоверия, «неприятия» и «обесценивания» и взаимного страха. Доминантные группы, сталкиваясь с требованиями подчиненных групп, защищают не только свои привилегии и права, но и свою безопасность, идентичность и свое мировоззрение, «правильность» порядка вещей. С точки зрения исторической практики, социальная позиция доминантных групп представляет «правильное» видение социального устройства общества. Основные различия между группами в обществе – во власти, в привилегиях – могут длительное время сохраняться без конфликтов и использования насилия. Однако, когда группы начинают осознавать и испытывать депривацию своих базовых потребностей и воспринимать ситуацию несправедливой, конфликт может превращаться в актуальный.

В настоящее время возможности коммуникации позволяют людям не только сравнивать себя с другими людьми, но и сопоставлять свои условия с другими образцами благополучия и хорошей жизни. Поэтому переживание своего угнетенного положения и беспомощности может приобретать доминирующий характер и становиться особенно интенсивным. Когда потребности людей в положительной идентичности, в индивидуальной и групповой эффективности и контроле блокируются, возникает состояние переживания несправедливости и формируется

один из базовых социальных мотивов – стремление к справедливости, который детерминируется этими базовыми потребностями.

Одним из значимых «трудных условий жизни» в настоящее время являются быстрые и глубокие культурные изменения во всех сферах жизни людей в условиях глобализации. Эти изменения требуют основательной психологической адаптации. Традиционные общества, в которых свобода выражения или обмена мнениями граждан в западном смысле сильно ограничена, сталкиваются со специфическими трудностями, с которыми приходится справляться современному человеку во всех сферах жизни – в знаниях, технологиях, досуге и культурных традициях, которые проникают в эти общества, даже преодолевая установленные барьеры (Staub, 1996).

Индивидуальный интерес – другой побудительный фактор возникновения мотива справедливости. Сочетание интенсивной девальвации и угнетения какой-либо подчиненной группы в обществе и ее вызов доминантной группе могут приводить к таким ответным действиям с ее стороны, которые вызывают деструкцию подчиненной группы. Массовые убийства и геноцид местного населения часто оказываются обусловлены стремлением приобрести территорию или расширить свои ресурсы на землях, где проживали эти группы (Hitchcock, Twedt, 1997). Личный интерес способствует проявлению насилия в межгрупповых отношениях.

С позиций социальной психологии можно выделить ряд психологических и социальных процессов, мотивирующих индивидов и группы к использованию насилия друг против друга. В идеальном варианте группы могли бы реагировать на провоцирующие условия совместными усилиями для улучшения условий жизни или пытались бы разрешать конфликты путем переговоров, идя на взаимные уступки. Однако возникающие групповые психологические и социальные процессы способствуют обострению противоречий и, в конечном счете, подталкивают группы к применению насилия.

Один из способов, к которому прибегают люди, чтобы справиться с трудными жизненными условиями или групповыми конфликтами, – это обращение за помощью и поддержкой к какой-либо другой группе для сохранения своей безопасности, идентичности и переосмысления реальностей изменяющегося или изменившегося мира. Это может быть своя этническая группа, нация, доминантная группа, частью которой они являются, какое-либо политическое, идеологическое движение или религиозная группа. Кроме того, люди могут защищать себя, укрепляя свою группу, расширяя ее ресурсы, отстаивая свои групповые ценности, идеалы и действия (Журавлев, Соснин, Красников, 2006; Tajfel, Turner, 1986). Они могут также поддерживать себя, нанося моральный или физический ущерб другим людям и группам.

Другим групповым психологическим процессом, который способствует индивидуальной и групповой защите и формированию психологической основы для оправдания насилия, является превращение другой группы и ее представителей в «козла отпущения» с тотальным приписыванием ей вины за возникновение жизненных проблем и трудностей или конфликта. Этот процесс дает группе возможность объяснить возникшие трудности жизни и, в конечном счете, сформировать образ врага, ответственного за все беды, по отношению к которому оправданно применение любого насилия.

Естественно, группа, превращенная в козла отпущения, может в той или иной степени быть ответственна за возникновение трудностей жизни, но в реальности обычно не в той абсолютной степени или не в той форме, в которой ее обвиняют. Иногда эта группа в действительности может вообще не быть причиной возникшей жизненной ситуации и трудных жизненных условий. В этом отношении особенно показателен пример евреев, на которых нацисты возложили ответственность за поражение Германии в Первой мировой войне и подвергли геноциду в преддверии и во время Второй мировой войны. В наше время действие этого психологического механизма проявляется в тенденции тотального обвинения русских со стороны ряда дру-

гих этнокультурных групп бывшего Советского Союза во всех бедах и трудностях, возникших после развала страны.

Однако это не означает, что действие этого социально-психологического механизма в возникновении группового насилия и терроризма не имеет объективной основы и целиком связано с «рационализированным» вариантом психологической защиты. Это видно на примере отношения к Соединенным Штатам Америки со стороны граждан многих арабских стран, которые считают американцев виновными в возникновении своих проблем и трудностей (подробнее см. главы 4–7 настоящей книги). Однако арабы являются не единственными, кто рассматривает современный терроризм против США как ответную реакцию на проводимую ими международную политику. Так, телефонный опрос 275 общественных деятелей высокого ранга в 24 странах мира, проведенный газетой «*International Herald Tribune*» совместно с одним из исследовательских центров спустя месяц после событий 11 сентября, показал следующие результаты. Около 76 % опрошенных в исламских странах считают США ответственными за возникновение терроризма в мире. Такое же мнение об ответственности американцев высказали 36 % опрошенных в Западной Европе и еще больше – в странах Азии, Латинской Америки и Восточной Европы – приблизительно по 50 % (McCaughey 2005).

Использование идеологий является еще одной групповой реакцией на провоцирующие условия жизни. У разных людей есть свои представления об идеальном социальном устройстве, о лучшей жизни либо для своей группы, либо для всего человечества: капиталистическая демократия, социализм-коммунизм или нацизм. Идеологические представления могут быть позитивными, однако те идеологические концепции, которые возникают как реакция на трудные условия жизни или групповые конфликты, зачастую носят деструктивный характер. В подобных идеологиях содержится тенденция идентификации врагов, которых необходимо победить, что, в конечном счете, означает их насильственное уничтожение, исходя из догматов идеологии. В практике идеологического противоборства идеологии, по-видимому, как правило, включают возможность использования насилия. И идеологические представления обычно играют центральную роль в терроризме. В случае геноцида и массовых убийств идеологии зачастую имеют секулярный, светский характер.

Однако религия сама по себе также может рассматриваться как определенная идеология, как совокупность представлений для достижения лучшего мира через создание устройства и образа жизни, соответствующего нормам и предписаниям конкретной религии. Религия часто использовалась и используется как средство идентификации других как врагов, даже в тех случаях, когда идеологии сами по себе являются секулярными. Так, албанцы в Югославии и Боснии со своей националистической идеологией идентифицировали сербов как врагов. Очевидно, что бен Ладен и его сторонники выработали такую идеологию, в которой религия играет центральную роль. Аналогичные идеологические концепции используются террористическими группами и в России, в регионе Северного Кавказа, и на пограничных территориях. Однако, как и в случаях с секулярными идеологиями, социальные условия и возникающие из них потребности и мотивы являются важнейшими факторами, использующими религию для обоснования насилия и разрушения, включая и террористическую деятельность.

Механизм формирования образа внешнего врага в соответствии с социально-психологической динамикой развития конфликтных отношений приводит к экстремальности противостояния и враждебности групп друг к другу с использованием насилия и развития конфликта по деструктивному руслу (Соснин, 1979; Deutsch, 1969). Параллельно усиливается процесс «моральной экскатегоризации» – исключения враждебной группы из категории *homo sapiens*, т. е. из «морального пространства», в котором ценности и стандарты применяются для регуляции взаимоотношений. В конечном счете, происходит полное исключение моральных регуляторов: уничтожение врага любыми средствами превращается в доминирующий принцип, который начинает восприниматься как правильный, оправданный и моральный.

Аналогичная эволюция происходит и в террористических группах. Например, идеологические движения, которые со временем превращаются в террористические, и те, которые приходят к оправданию использования терроризма, могут «стартовать» как чисто идеологические. Террористическая группа Бадера – Мейнхоф в Германии может служить ярким примером (подробнее см.: Reich, 1998). Один из ее лидеров, Ульрика Мейнхоф, начинала с участия в студенческих демонстрациях против размещения Соединенными Штатами ядерного оружия в Европе (Demaris, 1977). После формирования группы ее лидеры первоначально пытались использовать чисто политические акции. Однако, поняв, что их попытки изменить политические и социальные условия трудно осуществить, группа стала крайне радикализироваться и превращаться в террористическую организацию. Внутренняя динамика функционирования террористической группы способствует усилению радикализации. Для достижения определенного социального статуса она вынуждена прибегать к радикализации убеждений и использованию более экстремистских действий (McCauley Segal, 1989). Поскольку группа все более и более прибегает к использованию насилия, в групповом сознании ее членов идеологические постулаты «сжимаются» до одной точки – нанесение ущерба врагу становится высшей и единственной целью. У членов группы может формироваться фанатическая приверженность достижению главной цели – реализации постулатов идеологии путем разрушения оппонента. Фанатизм, по существу, означает, что конкретная цель приобретает высшую ценность, которая требует тотального подчинения и привязанности, а все другие цели становятся второстепенными.

Террористы-самоубийцы являются экстремальным примером того, как сама жизнь ставится в подчинение «величественной» цели, доминирующей в головах преступников. Процесс жертвования жизнью ради высшей цели усиливается и «психологически облегчается» тогда, когда общество в целом начинает высоко ценить и идеализировать жертвенность ради высшей цели. Религиозные убеждения могут вносить свой вклад в формирование установки жертвенности жизнью, когда лицо, совершающее самоубийство в процессе нанесения ущерба врагу, подкрепляется убеждением в том, что оно получит награду на небесах. Мистические убеждения могут доходить до такой степени, что человек, совершающий самоубийство, уверен в том, что он останется живым и не умрет. Таким образом, убеждения и идеология психологически объединяются в единый симптомокомплекс, который формирует динамику функционирования как больших, так и малых групп, совершающих акты насилия.

Молодых палестинских террористов-самоубийц (как и многих их сверстников из ряда этнических групп в регионе Северного Кавказа), по-видимому, привлекала внушенная им идея освобождения своей этнокультурной группы и достижения лучшей жизни, идея оказания поддержки своему более широкому культурному сообществу и даже своим семьям. После того как они принимают решение стать террористами-самоубийцами, они постоянно остаются в окружении других членов террористической группы, которые оказывают им психологическую поддержку и ограждают от внешних влияний, которые могли бы побудить их изменить принятое решение (подробнее о психологии террористов-самоубийц см. главу 6).

1.3. Феномен терроризма в современной России

Терроризм в России имеет историческую традицию, проявившуюся в деятельности радикальных политических групп и движений царской России в XIX – начале XX в. (Будницкий, 2000, 2004); в межэтнических конфликтах, так называемых еврейских погромах (Кожин, 2001); в исторических формах этнорелигиозного экстремизма и терроризма на Северном Кавказе в ходе Кавказской войны и после ее завершения (Добаев, 2003), а также в практике государственного терроризма после 1917 г.

Естественно, проблему терроризма в современной России нельзя отделять от общих тенденций современного цивилизационного развития: от изменения глобальной геополитической социально-экономической ситуации в мире после поражения Восточного блока в противостоянии двух сверхдержав мира и распада Советского Союза, что, несомненно, дало мощный толчок к обострению межэтнических, этнорелигиозных противоречий и конфликтов во всех регионах мира, включая Россию.

Представляется оправданным обозначить и суммировать некоторые основные положения/параметры проблемы терроризма в современной России, опираясь на данные отечественных исследователей: социологов, историков, юристов, философов и отчасти социальных психологов, принимая во внимание особенности нашей страны (Виктюк, 1993; Кива, Федоров, 2003; Кудрявцев, Лунев, Петрищев, 2005; Лунев, 2004; Паин, 2002; Психологи о терроризме (круглый стол), 1995; Терроризм в современной России, 2001; Терроризм в современном мире, 2005; Антонян, 2006; Добаев, 2003 и др.).

Прежде всего необходимо отметить единодушие отечественных исследователей в вопросе о комплексном, междисциплинарном характере проблемы терроризма и о причинах его активизации в России. «Причин террористической деятельности называется много: политические, идеологические, националистические, сепаратистские, этнические, религиозные, психологические, территориальные, географические, социальные, экономические и т. д., — отмечает В.В. Лунев. — Многие из них могут порождать различные, нередко непримиримые, противоречия и конфликты в обществе, разрешение которых определенные лица, слои, группы, партии и даже целые народы видят только в насильственном переустройстве жизни и даже мира в целом... Главными детерминантами терроризма были и остаются социально-экономические причины, выраженные в представлениях значительных масс населения о величайшей социальной несправедливости собственного положения, на которую потом наслаиваются многие другие обстоятельства. Социально-экономические причины при этом окрашиваются в тот или иной политический, идеологический, национальный, религиозный или психологический «цвет», что еще больше усиливает террористическую направленность различных групп и слоев населения и его отдельных представителей» (Лунев, 2004, с. 3–4). С этим положением по существу соглашались В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунев, В.Е. Петрищев, отмечая: «И все же главные причины роста экстремизма и терроризма на постсоветском пространстве имеют экономическую природу» (Кудрявцев, Лунев, Петрищев, 2005, с. 4).

Участники круглого стола «Терроризм в современной России: состояние и тенденции» (2001) выделили основные условия воспроизводства терроризма в современной России как общественно опасного явления, имеющего конфликтологическую природу и выражающего серьезные социальные противоречия. Был выделен ряд факторных блоков, способствующих воспроизводству терроризма в российском обществе.

Прежде всего, это социальный блок, в особенности его материальная составляющая — обнищание масс и передел собственности. Второй блок связан с Чечней, где был создан прецедент преступного квазигосударственного образования, ставшего рассадником терроризма в России. Следующий узел факторов — огромные масштабы незаконного оборота оружия в стране. Эти факторы, безусловно, расширяют возможности терроризма, провоцируют усиление террористической активности.

В этой связи показателен анализ проблемы чеченского терроризма, проведенный А.В. Кива и В.А. Федоровым (2003). Они отмечают, что чеченский терроризм нельзя считать феноменом национально-освободительной борьбы ни с юридической, ни с политической, ни с какой-либо другой точки зрения. Во-первых, Чеченская республика не была ни колонией, ни полукolonией. Как и Татарстан или соседние Дагестан, Кабардино-Балкария и Северная Осетия, она была и остается субъектом Российской Федерации. Во-вторых, когда нелегитимный с юридической точки зрения «Общенациональный конгресс чеченского народа» объявил о

суверенитете Чечни, это было не чем иным, как мятежом. В-третьих, установленный Дудаевым режим сразу же проявил себя как террористический. Сразу же последовало массовое насилие по отношению к русскому и нечеченскому населению. В результате из республики бежала большая часть 200-тысячного русского населения. В-четвертых, под влиянием политической конъюнктуры (президентские выборы 1996 г.) поспешно были заключены Хасавюртовские соглашения, и Чеченская республика стала независимой *de facto*, что не изменило ситуацию к лучшему, но, как показали последующие события, резко ее усугубило.

Кроме того, при оценке угроз для всего мирового сообщества, исходящих от терроризма и иных проявлений экстремизма различного идеологического толка, нельзя ограничиваться анализом только внутренних причин и так называемых «субъективных» факторов, целей и мотивации организаторов и исполнителей террористических акций внутри России. В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунев и В.Е. Петрищев отмечают: «Факторы, определяющие детерминационный комплекс международного терроризма и транснациональной преступности, в основном носят объективный характер и формируются под воздействием происходящих в мире процессов, в том числе – и далеко не в последнюю очередь – процессов глобализации» (Кудрявцев, Лунев, Петрищев, 2005, с. 5)³. Поэтому терроризм в современной России – это «...явление, касающееся не только внутригосударственных условий и процессов, но и отношений государства с внешним миром» (Терроризм в современной России: состояние и тенденции», 2001, с.10). «Трагические события, взорвавшие в 1999 году ситуацию на Северном Кавказе, последствия которых Россия переживает до сих пор, наглядно продемонстрировали объективную заинтересованность ряда государств дальнего и ближнего зарубежья в ослаблении нашей страны» (там же, с. 4).

Это хорошо иллюстрируется многочисленными попытками оказать давление на Россию в плане прекращения контртеррористических операций на Северном Кавказе, активно муссировать проблему прав человека, а также имевшими место фактами ведения переговоров представителей властей Грузии, Латвии, Турции и других стран с лидерами террористов в самопровозглашенной Ичкерии.

На динамику современного терроризма в России большое влияние оказывает и религиозный фактор, поскольку террористическая деятельность ведется под знаменем ислама. Рост исламского радикализма в современном мире обусловлен рядом глобальных социополитических тенденций, о которых речь шла выше.

Особенность современного терроризма, с которым столкнулась Россия на Северном Кавказе, – это сращивание на основе радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого международными структурами. Поэтому, отмечает И.П. Добаев (2003, с. 16), разрешение проблем политико-институционального строительства в Северокавказском регионе, связанных с экспансией идеологии исламского экстремизма и террористической практикой ваххабитов и их зарубежных покровителей, требует доработки и развития политико-правовых принципов федерализма, а также концепции защиты национальных геополитических интересов России, в том числе и в области противодействия исламскому радикализму. Это противодействие заключается в использовании различных стратегий разрешения конфликтов, в локализации и устранении ключевых факторов, провоцирующих сепаратистские тенденции, а также в реализации системы мер по снижению уровня агрессивности собственно исламского радикализма.

Приведем несколько замечаний о специфике условий современного терроризма в России (Виктук, 1993). Автор соглашается, что по основным характеристикам терроризм на землях бывшего СССР вполне вписывается в параметры, определяющие современный этап мирового развития этого феномена. Вместе с тем по некоторым принципиальным аспектам он не

³ О социально-психологических аспектах глобализации и ее связи с проблемой терроризма см. главу 3.

укладывается в рамки типовой модели в связи с тем, что разворачивается в период коренного поворота развития страны, отвергнутого в начале XX в. Этот процесс обусловил коренную ломку господствующих экономических структур, политических форм, идеологических установок, нравов, обычаев и традиций. Это вызвало острейшее столкновение социальных интересов различных социокультурных групп общества, усугубляемых тем, что они проходят непоследовательно и сумбурно. Поэтому, отмечает автор, «Социальные корни отечественного терроризма в принципе более глубоки и мощны, а его скрытые возможности значительнее, чем на Западе. В наших условиях неизбежны и незнакомые Западу жанры ... Процесс возвращения на столбовую дорожку цивилизации сопровождается у нас беспрецедентным распадом огромной империи» (Виктюк, 1993, с. 47)⁴. Как следствие обостряющихся отношений между утверждающими свою государственность республиками и автономиями, а также между ними и федеральным центром на первое место выходит терроризм националистический, которому порой сопутствует терроризм религиозный.

В обстановке осуществления общественно-экономических преобразований и становления независимой государственности лозунги социальной справедливости используются националистическим терроризмом, поскольку все беды и трудности рассматриваются воинствующими сепаратистами как производные от национальной ущемленности. Некоторые особенности современного отечественного терроризма обусловлены геополитическими характеристиками СНГ и собственно России. Эти характеристики включают следующие параметры: огромные территории, многонациональность населения, неравномерности социально-экономического развития регионов, своеобразие исторического наследия, традиций и обычаев наций и народностей страны. Это означает, что в рамках одного политического образования – России – сосуществуют и переплетены все основные террористические направления, которые в иных странах существуют изолированно либо при приоритете одной тенденции и незначительности других разновидностей (Виктюк, 1993, с. 48).

В целом отечественные исследователи терроризма выделяют несколько стратегических тенденций развития современного терроризма, в том числе в России (Авдеев, 2000):

- расширение социальной базы терроризма в изменившихся условиях (вовлечение разных слоев населения и формирование у них устойчивых политических устремлений тех или иных террористических организаций);
- превращение терроризма в долговременный фактор современной жизни;
- рост организованности и управляемости террористических формирований;
- создание сетевых блоков террористических организаций в рамках отдельных стран и мира в целом; смыкание терроризма и организованной преступности;
- усиление взаимосвязей между государственным, международным и внутренним терроризмом.

⁴ В этой связи автор отмечает «специфику» экономического терроризма в стране, находящую проявление в поджогах фермерских хозяйств, торговых киосков, нападений на предпринимателей и их убийств, противоправных трейдерских захватах собственности, за которыми в целом проступают социальная позиция, легко улавливаемые экономические и политические интересы.

Глава 2

Проблема концептуального определения и классификации феномена терроризма

События 11 сентября 2001 г. резко активизировали научную дискуссию о содержании терминов «терроризм» и «международный терроризм». Несмотря на многообразие точек зрения на содержательную природу этого явления и классификацию его разновидностей, в научном сообществе, как представляется, есть общий взгляд на сущность терроризма.

Главное – это противоправные насильственные действия для устрашения, подавления конкурентов, навязывания определенной линии поведения. Причем конечными целями могут быть социально-экономические, территориальные, идейно-политические, религиозно-этнические и даже глобальные цели, которые условно можно обозначить как цивилизационные (Соснин, 2005).

Вопрос о морально-нравственной оценке этого явления более противоречив, и это вполне понятно: все зависит от идейной, мировоззренческой позиции исследователя или принадлежности оценивающего к субъекту или объекту террористических действий. Так, взрыв машины с солдатами – для одной стороны это акт террора, для другой – акт «возмездия» агрессорам и оккупантам. Фактически террор как явление, по сути, не оценивается, это просто инструмент социально-политической борьбы. Оцениваются мотивы совершения террористического акта и его приемлемость, полезность для своих сторонников, «одобряемость своими» нормами и правилами. Именно это и является реальным объектом идейно-нравственной оценки (Ольшанский, 2002). Многие западные специалисты считают, что не действие само по себе, а именно интерпретация этого действия как акта терроризма позволяет назвать его исполнителя террористом (см. например: Harre, 2004).

Прежде всего, необходимо зафиксировать именно этот идейно-ценностный и объективно неустрашимый аспект в анализе проблемы терроризма, который существенно влияет на его концептуальное определение как социально-политического и культурно-психологического явления. Это значит:

- 1) что объективность анализа будет заведомо односторонней, если он будет опираться только на идейно-мировоззренческую парадигму;
- 2) что проблема причин, психологических и идейных корней мотивации терроризма (и, следовательно, его определения) имеет системный характер.

В этой связи можно согласиться с призывом Эмиля Паина к тому, чтобы анализ природы терроризма шел в рамках концепции единого мира, в котором разные сегменты человечества «совместными усилиями» породили это зло и, следовательно, несут свою долю ответственности за него (Паин, 2002).

Попытки такого анализа действительно крайне редки. Более того, до настоящего времени в академических кругах превалирует тенденция анализа проблемы с позиции идейных ценностей западной цивилизации. Представляется, что такая позиция, какими бы она «общечеловеческими ценностями цивилизованного мира» ни оправдывалась, в конечном счете окажется, по меньшей мере, контрпродуктивной.

Тем не менее, проблема дефиниции и классификации видов терроризма в мировой исследовательской практике остается не до конца решенной, и перспектив ее решения в обозримом будущем (по крайней мере, на концептуально-теоретическом уровне) трудно ожидать. В академическом сообществе среди психологов, социологов и политологов, а также среди представителей юриспруденции и политиков по этому поводу ведутся дискуссии.

2.1. Концептуальный анализ терминологического языка описания проблематики терроризма

В данной главе, посвященной концептуальному определению феномена терроризма, представляется оправданным провести краткий концептуально-терминологический анализ основных близких понятий, описывающих проблематику терроризма. Его цель – провести сравнительный анализ содержания таких концептов, как *радикализм*, *экстремизм*, *фанатизм*, *шовинизм*, *фундаментализм*, в соотношении с категорией *терроризма*. Данный анализ не подразумевает проведение подробного теоретико-методологического обзора данной проблематики (это задача отдельной работы). Поэтому без особых ссылок на многочисленные источники, связанные с изучением данной проблемы, рассмотрим основные содержательные представления этих концептов, приводя для подтверждения минимум аргументации.

Прежде всего, отметим, что давать определения экстремизма, «религиозного фундаментализма», «экстремизма на религиозных или национальных основаниях» и пр. можно в разных системах ценностей. Политологический подход, из которого вырастают и правовые формулировки, диктует один тип описания фундаментализма и экстремизма. В религиозной системе ценностей фундаментализм получает совершенно иное наполнение и описание, а существование религиозного экстремизма вообще может быть поставлено под сомнение. Например, то, что в соответствии с религиозным мироощущением воспринимается как миссия, в политологическом или правовом контексте может расцениваться как экстремизм, как некая экстравертная составляющая социальной активности религиозного сообщества.

Таким образом, конфликт интерпретаций порождается разностью ценностных подходов. При этом каждое сообщество (религиозное, этническое, правозащитное, корпоративное и пр.) транслирует в общество свое видение и понимание, формирует общественное мнение. Взаимоисключающие формулировки в законах и государственных актах возникают как результат деятельности (в том числе лоббистской) разных сообществ. Таким образом, правовые коллизии возникают именно из-за смешения подходов и систем координат. В этом случае проигравшей стороной оказывается государство и рядовые граждане, потому что законы есть, но они не работают.

В целом проблема экстремизма является феноменом, традиционно рассматриваемым в рамках психологии общения или более конкретно – в психологии конфликтного взаимодействия. Особую актуальность феномен экстремизма приобрел в настоящее время, для которого характерны *глубинные, парадигмальные* преобразования и быстрая динамика социально-исторических процессов (Соснин, 2007).

На индивидуально-психологическом уровне этот феномен в психологии личности обычно связывается с типологическими особенностями поведения авторитарной личности как мировоззренческой установкой и способом агрессивного взаимодействия с окружающим социальным миром. Эта установка опирается на принцип тотального использования авторитарным человеком социального окружения для реализации своих эгоистических интересов и выступает механизмом психологической защиты от комплекса неполноценности (Adorno, 1950 и др.).

Кроме этого, экстремистская форма взаимодействия в литературе по проблемам конфликтологии обычно рассматривается как сознательная тактика манипуляции для реализации субъектом опять же своих эгоистических интересов и целей с отношением к объекту взаимодействия как средству. В целом подобные тактики считаются деструктивными. С другой стороны, в конфликтологии разработаны способы эффективного противодействия им (Burton, 1990; Соснин, Лунев, 1996; Левицкий, Сондерс, Барри, Минтон, 2006 и др.). На групповом

уровне экстремистские формы взаимодействия, хотя и реализуемые конкретными носителями групповых интересов, отражают идеологию этих групп и служат реализации групповых целей.

Признавая трудности концептуального определения, можно согласиться с дефиницией, приведенной в «Свободной энциклопедии» (<http://en.wikipedia.org/wiki/Extremism>): «Экстремизм – это термин, используемый для описания действий или идеологических представлений индивидов или групп, выходящих за пределы принятых в обществе правовых и этических норм... Этот термин традиционно используется для обозначения политических или социальных идеологий, считающихся *иррациональными, контрпродуктивными, несправедливыми или, по меньшей мере – неприемлемыми* в гражданском обществе, и имеет скрытое значение *незаконности* конкретных идей или методов. В политическом экстремизме он означает: 1) принятие и отстаивание политической позиции (идеи) без учета неприемлемости «отрицательных» воздействий на оппонентов с целью не просто противостоять, но уничтожить их; 2) нетерпимость к ценностным ориентациям других субъектов, имеющих противоположную позицию; 3) использование таких средств для достижения политических целей, которые игнорируют жизненные установки и права других людей.

В целом в экстремистском стиле поведения присутствуют три общих момента: стремление исказить реальность в угоду своим идеологическим представлениям; уходить в сторону от критического рассмотрения своих убеждений, используя ущербную логику рассуждений; стремление взаимодействовать, исходя из личного недоброжелательства к оппонентам и рационализации своих специфических интересов под предлогом общественного благополучия. Другими словами, экстремизм (*франц.* extrêmeisme, *от лат.* extremus – крайний) – это приверженность к крайним взглядам и действиям (обычно в политике) (<http://en.wikipedia.org/wiki/Extremism>). Пропаганда действием – установка современного экстремизма, согласно которой насильственные действия, направленные против социально-политических институтов и их представителей, революционизируют массы.

Можно согласиться с точкой зрения на экстремизм коллектива авторов (Фетискин, Кондрат, Миронова, Шепелева, 2007): «Существенным признаком экстремизма остается не экстраординарность (как заострение проблемы), не насилие или агрессия, но злой умысел. И здесь важно понять, что экстремизм характеризует не наличие насилия как такового (его применение бывает необходимо для целого ряда экстремальных ситуаций, например при самообороне), а наличие его крайних, неоправданных форм» (с. 8).

Близким понятием является концепция радикализма. Ее определяют следующим образом. **радикализм** (от *лат.* radix – корень) – социально-политические идеи и действия, направленные на решительное изменение существующих институтов, заметно проявляющиеся в кризисные, переходные исторические периоды, когда возникает угроза существованию, традициям и укладу тех или иных слоев и групп. Радикализм политический (иногда церковный, религиозный или даже философский) есть принцип или направление. Этим термином обозначается стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не мирясь ни какими компромиссами (<http://ru.wikipedia.org>).

Следующим близким понятием является концепт фундаментализма. **фундаментализм** (от *лат.* fundamentum – основание) – общественное идеологическое, религиозное или политическое движение, провозглашающее приверженность исходным идеям, принципам, идеалам определенных учений или доктрин, выдвигающее требования преодоления появившихся в ходе их развития извращений, уклонов, ересей и «возвращения к истокам», возрождению ритуалов и обычаев. Фундаментализм близок к различного типа ортодоксии. Он возникает в условиях кризиса какого-либо движения и, как правило, противостоит, в том числе насильственными средствами, процессу перемен, обновлению (модернизму).

Как развитие концепции фундаментализма следующей степенью выражения экстремизма является концепт фанатизма. **фанатизм** (*греч.* θανάσιμος, *лат.* fanaticus, *франц.*

fanatisme) – слепое и пламенное следование убеждениям, особенно в области религиозно-философской, национальной или политической. Крайняя степень приверженности к каким-либо идеям, верованиям или воззрениям. Обычно он соединен с нетерпимостью к чужим взглядам и стремлениям (<http://ru.wikipedia.org>). С другой стороны, правовые коллизии возникают также по причине недопонимания или недооценки природы религиозных явлений. Например, представляется ошибочной попытка сводить любое религиозное явление к социально-политическим факторам, т. е. исходить исключительно из позитивистских взглядов на религию. Исключив собственно религиозную мотивацию в религиозном фундаментализме или экстремизме, мы не сможем дать правильный диагноз этим религиозно-политическим явлениям (<http://www.religare.ru/print4037.htm>).

Еще одной категорией, описывающей проблематику идейно-политических и иных коллизий во взаимоотношениях социальных субъектов разного уровня, является концепт шовинизма. **Шовинизм** (франц. chauvinisme) – крайняя форма национализма, провозглашение национальной исключительности, противопоставление интересов одного этноса (или супер-этноса) интересам всех других этносов, распространение идей национального превосходства, национальной вражды и ненависти. Словом «шовинизм» принято обозначать разнообразные проявления националистического экстремизма. Другие проявления шовинизма – социал-шовинизм, великодержавный шовинизм (<http://ru.wikipedia.org>).

В настоящее время популярен термин «исламский фундаментализм» и близкий к нему концепт «исламский радикализм» – идеология, следуя которой мусульманам необходимо жить в соответствии с самыми ортодоксальными требованиями Корана и по законам Шариата (<http://ru.wikipedia.org>). Одним из современных определений исламского радикализма и экстремизма является дефиниция, предложенная И.П. Добаевым (Добаев, 2003). **«исламский радикализм – это идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира "истинного ислама" по отношению к миру "неверных" вовне и миру "неистинной веры" внутри ислама и требуют абсолютного контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников»** (с. 13). Радикальное исламское движение, выступая частью более широкой тенденции политизации ислама и реисламизации мусульманских обществ, является реальным и существенным фактором современной политической жизни. Наибольшую опасность представляет его экстремистское крыло, деятельность которого стала одним из ключевых факторов, дестабилизирующих международную обстановку. «Исламский» экстремизм обладает мощным потенциалом, нацеленным на экспансию наиболее реакционных положений своих идеологических доктрин и эскалацию политической практики насилия. «Идеологической базой и одновременно политической практикой радикального исламского движения, осуществляемого в самых разнообразных формах, "основным поставщиком и главным распространителем терроризма является радикальный ислам" (другие названия – исламский радикализм, или исламизм)» (с. 4).

На основании изложенного можно сделать некоторые обобщения.

Во-первых, вышеописанные категории используются для описания идеологических стратегий (в широком смысле), применяемых при реализации положений и доктрин конкретной идеологии.

Во-вторых, они выражают приверженность к крайним формам взаимодействия с оппонентами, которые, в конечном счете, нацелены на их идейное или физическое уничтожение, т. е. содержат возможность применения насилия.

В-третьих, в этой связи в своей политической практике эти стратегии, по крайней мере, потенциально являются противоправными.

И наконец, в-четвертых, в зависимости от их использования для описания различных сфер конфликтных взаимодействий, эти стратегии могут выражать различную степень «край-

ности», «жесткости». Но в целом в содержательном плане эти концепции и понятия могут использоваться (и используются) для характеристики взаимодействий в большей или меньшей мере синонимично, хотя, естественно, для разных сфер социальной действительности в научной и политической практике существуют определенные предпочтения при использовании тех или иных понятий. Представляется, что наиболее употребительными концептами в этом плане являются понятия «экстремизм», «радикализм» и «фундаментализм» с различными дополнительными определениями (идеологический, этнический, религиозный, исламский и т. д.).

Теперь вопрос о соотношении этих концептов с категорией терроризма. Понимание этого соотношения можно проследить на примере дифференциации понятий экстремизма и терроризма, проведенной коллективом авторов под руководством Н.П. Фетискина (2007). Для этого они сначала проанализировали соотношение понятий «экстремальность» и «экстремизм». Чтобы понять истоки экстремизма, отмечают авторы, необходимо осознать тот факт, что в самой природе человека заложено стремление к *экстремальности* как побудительному мотиву, принуждающему его к постоянному движению и развитию. Не случайно понятия «экстремизм» и «экстремальность» происходят от одного корня – от *лат. extremum* – крайний. Оба эти понятия содержат значение интенсивности, напряженности, остроты. Но если экстремальность имеет природно-побудительный (стихийный) характер, то экстремизм всегда содержит личностное начало, а экстремистское поведение всегда отмечено своеволием и эгоцентризмом (Фетискин и др., 2007, с. 7).

Экстремальность – это не всегда кризис или конфликт, это лишь заострение проблемы, акцентированность на новом, как правило, более значимом, более высоком. Например, творческие виды деятельности просто невозможны без экстремумов процесса развития. Иное дело экстремизм, который, обостряя ситуацию, доводит ее до крайности противоречий, в силу чего конструктивное разрешение проблемы или конфликта, как правило, становится невозможным. Таким образом, экстремистскими можно называть лишь такие действия, которые превышают необходимую степень воздействия на отдельную личность или социальный объект (обусловленную культурными, нравственными, правовыми и т. п. нормами), ибо при таком воздействии *невозможно не осознавать его отрицательных последствий (т. е. не быть злоумышленником)*. Всякое развитие изначально предполагает два возможных способа реализации: *экстремально-творческий*, направленный вглубь, и *экстремистский*, ориентированный на обострение крайностей разворачивающегося процесса, абсолютизирующий внешнюю сторону явлений, игнорирующий любые издержки и осуществляющийся без контроля нравственной регламентации.

Авторы дают следующую трактовку соотношения концепций экстремизма и терроризма, с которой в принципе можно согласиться: «Если экстремизм – крайность, то терроризм – крайность крайности, выступающая скорее как "логическое, но не обязательное развитие экстремизма"» (с. 9). Другими словами, терроризм как стратегия конфликтного взаимодействия – это крайняя степень проявления экстремизма (радикализма, фанатизма, фундаментализма) при разрешении конфликтных противоречий между социальными субъектами, доведенная до подчинения одной *сверхцели* — уничтожения противника любыми насильственными средствами для достижения победы в конфликте. Как из крайностей экстремального берет начало экстремизм, так и из крайностей экстремизма (радикализма, фанатизма, фундаментализма) вырастает терроризм, который, в свою очередь, начинает принимать все более многообразные формы: от отдельных актов террора фанатиков-одиночек, группового и государственного терроризма до транснациональных мафиозно-террористических структур.

2.2. Проблема концептуализации и типологизации феномена терроризма

Следует признать, что задача концептуального определения феномена терроризма собственно психологами фактически не ставилась. Можно сослаться на работу Д.В. Олышанского «Психология террора» (2002), в которой предприняты усилия по рассмотрению этой проблемы с позиций социологии. Психологические рассуждения автора на эту тему имеют описательный характер. Тем не менее, его размышления дают определенный стимул для дальнейшей разработки проблемы концептуализации данного феномена.

Он утверждает, что «наиболее часто возникает смысловая путаница, при которой смешивается разное содержание, вкладываемое в понятие «террор». Так, достаточно часто путаются террор как некоторая политика, осуществляемая насильственными методами (методы террора), и террор как результат, следствие такой политики... Наконец, террор как метод часто не различается с терроризмом как особым, целостным явлением, включающим не только отдельные методы... На самом деле все более или менее встает на свои места, если оттолкнуться от буквального, первичного, значения латинского слова «terror» – страх, ужас. В буквальном смысле, террор – это и есть ужас. Ужас же психологически иногда определяется как циркулярное (повторяющееся и нарастающее) переживание страха. Значит, террор – это такое повторяющееся и нарастающее переживание страха, которое приводит к ужасу... Террор складывается из террористических актов – отдельных слагаемых, звеньев, компонентов, способов и инструментов террора» (с. 15–16). С другой стороны, автор предлагает отдельно концептуально выделять терроризм для обозначения феномена в широком смысле: «Наконец, терроризм – это обобщенное понятие, обозначающее уже комплексное явление, включающее страх и ужас как цель определенных (террористических) актов и действий, сами акты и действия, их конкретные результаты и весь спектр более широких последствий» (с. 17).

О.В. Будницкий (2004) признает, что в литературе термины «террор» и «терроризм» используются для определения явлений разного порядка, схожих друг с другом в одном – применении насилия по отношению к определенным личностям, общественным группам и даже классам. В то же время, очевидно, что при внешней схожести применения понятия речь идет о явлениях разного порядка.

У. Лакер, один из известных современных исследователей терроризма (Laqueur, 1977), отмечает: тот факт, что не существует общей научной теории терроризма, не должен никого сдерживать. Общая теория невозможна *a priori* потому, что этот феномен имеет много причин и проявлений. Он справедливо отмечает, что терроризм – это очень сложный феномен, по-разному проявляющийся в различных странах, в зависимости от культурных традиций, социальной структуры и многих других факторов, которые затрудняют попытки дать общее определение терроризма.

Некоторые отечественные исследователи придерживаются иного мнения. Так, В.В. Виктюк и С.А. Эфилов (Виктюк, Эфилов, 1987, с. 222–223) считают, что общая дефиниция терроризма возможна, и приводят в подтверждение своей позиции несколько доводов. Во-первых, необходимо разграничивать употребление термина «терроризм» в прямом и переносном смысле (т. е. публицистическое и научное употребление таких терминов, как «экономический терроризм», «информационный терроризм» и др.). Во-вторых, они настаивают на необходимости отграничения феномена терроризма от других форм и методов вооруженного насилия, которые могут не иметь террористического характера, В-третьих, они утверждают, что определение терроризма «должно быть принципиально полным», включающим и те признаки, которые объединяют его с другими формами насильственных действий, но главное, на чем делают акцент авторы: они должны включать те специфические признаки, которые отделяют терро-

ристическое насилие от нетеррористического. И наконец, в-четвертых, подчеркивается, что действия, составляющие специфику терроризма, в рамках других форм вооруженного насилия носят «частный или вспомогательный характер».

Опираясь на эти положения, авторы предлагают свою (довольно пространную) дефиницию терроризма (с. 224–227). Терроризм – это политическая практика, связанная с использованием и выдвиганием на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые представляются как террористические акты. Террористические акты, которые ранее сводились к убийствам «отдельных высокопоставленных лиц», в современных условиях могут носить форму угона самолетов, захвата заложников, поджогов предприятий... Но объединяет их с терроризмом прежних времен то, что «главной угрозой со стороны террористов остается угроза жизни и безопасности людей». Террористические акты направлены также на нагнетание атмосферы страха в обществе, и, разумеется, они должны быть политически мотивированы. Однако следует заметить, что такое развернутое функциональное определение терроризма трудно признать универсальным, хотя бы в силу того, что в его функциональность не включены факторы социокультурного порядка.

Проблеме определения терроризма (наряду с другими аспектами) уделялось внимание на круглом столе «Терроризм в современной России: состояние и тенденции» (2001). Дискуссию участников круглого стола по проблеме концептуального определения терроризма можно суммировать следующим образом.

Во-первых, они согласно констатировали, что существуют «...немалые затруднения в понимании феномена терроризма как формы насилия». В XX в. трансформировалось само понятие терроризма. Насилие есть лишь средство, а цель – посредством насилия одних над другими, вплоть до уничтожения, устранить, психологически подавить, парализовать их волю, подчинить ее своим замыслам. Ныне стало ясно, что насилию многие подвергаются и с помощью средств массовой информации, способных навязать любые настроения, в том числе – всеобщий ужас, отчаяние, панику, растерянность.

Во-вторых, авторы признают, что рамки обсуждаемого предмета должны быть раздвинуты и конкретизированы, поскольку, безусловно, современный терроризм должен рассматриваться с учетом его социально-психологического и информационного аспекта. И одним из базовых критериев терроризма признается насилие. К числу главных признаков, по которым следует оценивать терроризм (и формулировать его концептуальное определение) в качестве социально-политического явления, необходимо относить его общественную опасность, нелегитимность и устрашение. Без этого признака, считают участники круглого стола, трудно дифференцировать террористические действия от прочих проявлений нелегитимного насилия.

В-третьих, на круглом столе прозвучала мысль, что, хотя для террористических действий и свойственно уничтожение того или иного субъекта или деятеля, оно важно не само по себе, а как воздействие на психику масс, состояние их духа. Поэтому при определении терроризма необходимо разводить эти аспекты и учитывать: *что* в том или ином насильственном действии выступает главным, доминирующим, приоритетным. И в зависимости от этого выявлять сущность явления и давать его концептуальное определение.

В отечественном законодательстве терроризм определяется (Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму») следующим образом:

«1) Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий;

2) террористическая деятельность – деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

- б) подстрекательство к террористическому акту;
- в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участия в такой структуре;
- г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;

3) террористический акт – совершение взрыва, поджога или иных действий, связанных с устрашением населения и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы или иных особо тяжких последствий в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Представители зарубежных общественных наук сформулировали множество определений терроризма (см., например: Miller, File, 2001; Whittaker, 2001). Они согласны с тем, что в принципе существует ряд проблем, связанных с определением терроризма: а) исторические изменения в самом определении феномена; б) в СМИ и у представителей различных государств нет согласия в использовании термина; в) множество определений, которыми пользуются представители различных ведомств даже внутри одной страны; г) противоречия в определении явления на международном уровне (Miller, File, 2001; Whittaker, 2001, p. 13).

Некоторые исследователи определяют терроризм как «современное обозначение (изменение названия), даваемое приемам ведения войны, намеренно ведущейся против цивилизованных сообществ с целью разрушения их воли в поддержании своих лидеров или против проведения политики, которую адепты терроризма и насилия считают ошибочной» (Carr, 2002, p. 6).

ФБР определяет терроризм как «противозаконное применение силы, насилия против граждан, их собственности с целью запугивания, оказания давления на правительство, гражданское население или его отдельные сегменты в реализации своих политических, а также социальных целей» (Whittaker, 2001, p. 3).

В научном сообществе ведется дискуссия о чрезвычайной сложности определения феномена терроризма без рассмотрения культурного, социально-экономического и идейно-политического контекста, мотивов, целей и последствий террористических действий. Чисто юридический правовой подход к определению этого явления не помогает решить проблему, поскольку мотивы, намерения, проблемы идейного выбора, ответственности и реальные обстоятельства совершения террористических действий «участвуют» в понимании содержания феномена терроризма (Нап, 1993).

Например, госдепартамент США определяет терроризм как «преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения и «нонкомбатантов» с использованием отдельных национальных групп или тайных агентов, как правило, с намерением повлиять на массовое сознание населения» (Reich, 1998, p. 262).

Термин «международный терроризм», как правило, означает «терроризм, вовлекающий граждан или определенную территорию, захватывающую больше чем одну страну». Термин «террористическая группа» означает любую группу, которая ведет террористическую деятельность или имеет соответствующие подгруппы, вовлеченные в международный терроризм (Marshella, 2004).

В целом, как свидетельствует анализ, многочисленные определения терроризма включают следующие составляющие:

- использование силы или насилия;
- индивидуальное или групповое совершение террористических актов;
- направленность на гражданское население;
- намеренное создание в обществе атмосферы страха;
- средство принуждения отдельных людей или групп изменить свои политические или социальные позиции.

Действительно, без учета конкретного исторического и культурного контекста все определения терроризма становятся предметом дискуссии. Вот почему перспектива рассмотрения феномена терроризма с социально-психологической точки зрения становится столь важной: она ставит проблему терроризма и поведения людей в более широкий контекст человеческого существования.

Исследователи проблем терроризма продолжают детально обсуждать нюансы и трудности определения феномена. Они фактически приходят к констатации *«невозможности создания универсального определения»* (Whittaker, 2001; Reich, 1998). «По-видимому, дать некое всеобщее определение терроризма весьма затруднительно (если вообще возможно), хотя очевидно, что его неотъемлемыми чертами действительно являются угроза жизни и безопасности людей и политическая мотивировка применения насильственных действий. Терроризм – с одной стороны, явление универсальное, по крайней мере, для Европы и Северной Америки, начиная со второй половины XIX в. то обостряющееся, то исчезающее на десятилетия, с другой – возникновение и деятельность террористических организаций в разных странах были обусловлены конкретно-историческими причинами и имели весьма различные последствия» (Будницкий, 2004, с. 5).

Задача создания универсального определения осложняется еще и многообразием проявлений различных «моделей терроризма», среди которых выделяются:

- политический терроризм;
- сепаратистский терроризм;
- религиозный терроризм;
- патологический терроризм.

(см., например: Miller, File, 2001; Post, 2002a, 2002b; Reich, 1998).

В этой связи представители общественных дисциплин, в первую очередь психологи и социологи, предприняли значительные усилия для теоретико-методологического решения проблемы категоризации различных типов терроризма на основе критериев *мотивации* (например: религиозный, политический), *целей* (например: формирование атмосферы страха, разрушение) и *методов* (например: бомбы, оружие массового поражения, самоубийцы).

Основательная классификация типов терроризма была предложена американским социальным психологом Дж. Постом, одним из ведущих специалистов в этой области. Его классификация вызвала широкую дискуссию в научном сообществе (Post, 2002a, 2002b). *Политический терроризм* (феномен терроризма в целом он относит к явлениям политического порядка) он разделяет на три подтипа: *негосударственный терроризм* (*substate terrorism*), осуществляемый группами, необязательно связанными с национальным правительством; *терроризм, поддерживаемый государством* (*state-supported terrorism*), и собственно *государственный терроризм* (*state or regime terrorism*), когда используются государственные ресурсы, такие, как полиция и армия, против собственных граждан.

Негосударственный терроризм включает множество самых различных террористических групп: а) левых социал-революционеров; б) правых борцов за справедливость; в) националистические сепаратистские группы; г) религиозные экстремистские группы и д) группы, борющиеся за решение отдельных проблем (например, запрещения абортов, экологии и т. п.).

Далее Дж. Пост разграничивает религиозные экстремистские группы на *фундаменталистские* (например, Аль-Каида) и *группы новых религий* (например, Аум-Сенрике). Кроме этого, он считает возможным различать все террористические группы по *способам осуществления террористических действий* и выделять *криминальный* и *патологический* виды терроризма.

Дискуссия, возникшая в научном сообществе в отношении классификационной схемы Дж. Поста, по-видимому, является наиболее яркой «презентацией» сложности и комплексности проблемы.

Прежде всего было отмечено, что в настоящее время политический и собственно криминальный виды терроризма пересекаются. Об этом свидетельствуют, например, ситуация в Колумбии, где сторонниками такого терроризма становятся революционеры и кокаиновые контрабандисты. То же самое происходит в Афганистане, где деньги, получаемые от продажи героина, используются для поддержки террористических групп, таких, как Аль-Каида (Marshella, 2004, p. 17). Такие же тенденции можно наблюдать и в других регионах мира, включая террористическую активность в нашей стране в регионе Северного Кавказа.

С другой стороны, было отмечено, что Дж. Пост игнорирует другой спектр проблемы терроризма, имея собственную этноцентрическую приверженность (американец).

Так, например, С. Монтейл и М. Анвар (Monter! Anuar, 2002) утверждают, что существуют другие формы терроризма, включающие *глобальное структурное насилие* и «узаконенные» акты терроризма, осуществляемые США, что Соединенные Штаты несут ответственность за гегемонистскую глобализацию, которая равнозначна терроризму, поскольку она стремится увековечить глобальное доминирование этой страны над развивающимися странами, способствуя сохранению материального неравенства, культурного доминирования и эксплуатации. Авторы утверждают, что США являются основным виновником *всехохватывающей* глобальной бедности населения развивающихся стран, которая порождает чувства безысходности и возмущения их населения, ведущие к терроризму. Более того, они считают, что США являются мировым спонсором терроризма, поскольку в свое время они поддерживали экстремистские группы в Южной, Центральной Америке и на Ближнем Востоке.

В свете таких примеров определение терроризма расширяется от представления его как «прямых актов насилия» до «политических действий, которые провоцируют или санкционируют насильственные формы поведения». Кроме того, исследователи отмечают, что мотивы совершения террористических действий различных групп, выделенных Дж. Постом, совпадают, поэтому могут существовать «комплексные мотивационные модели поведения» (Langholtz, 2002).

В целом исследователи согласны с тем, что реально *существует множество различных психологических моделей террористического поведения* и необходимы дальнейшие усилия по уточнению и оценке имеющихся знаний в отношении этих моделей.

Тем не менее, типология видов терроризма, предложенная Дж. Постом, может быть положена в основу классификации широкого спектра моделей терроризма.

Итак, террористические действия и их мотивы весьма многочисленны и разнообразны, они могут быть: а) связаны с разрушением социального и политического порядка (анархия); б) «санкционированы по воле Бога»; в) отмщением за притеснения; г) ориентированы на достижение экономических и финансовых целей; д) выражением защиты высших расовых или культурных ценностей и приоритетов; е) спонсируемы самим государством или ж) ориентированы на разрушение существующего политического и национального устройства государства (т. е. быть революционными и ориентированными на «освобождение»).

Исходя из краткого анализа проблемы концептуального определения «терроризма» и классификации его видов, представляется оправданным в исследовании данного феномена (не умаляя важности и значимости проблемы его определения и классификации) главный

акцент сделать на анализе реальных проблем: мотивации и причин возникновения терроризма в современном мире, что дает возможность размышлять о путях и способах противодействия этой «чуме третьего тысячелетия».

Глава 3

Социальные и социально-психологические предпосылки терроризма

3.1. Психологическое состояние общества как базовый источник терроризма

Установлено, что одним из базовых источников терроризма является *психологическое состояние общества или его психолого-политическая нестабильность*.

С психологической точки зрения, объективные факторы, детерминирующие общественные процессы, находят свое социально-психологическое отражение в индивидуальном и групповом сознании в форме установок, стереотипов и доминирующих психологических состояний. Они и являются непосредственными мотивационными регуляторами поведения людей.

В условиях системных кризисных изменений в обществе возрастает психолого-политическая нестабильность. Для больших масс населения эта нестабильность выражается в потере жизненной перспективы, надежд, веры в будущее и смысла жизни, в чувстве отчаяния и аномии, осознании роста социальной несправедливости и психологической готовности к психическому заражению и внушаемости. Поэтому *психолого-политическая нестабильность общества является общей социально-психологической «питательной средой» для мотивации преступной деятельности вообще и терроризма в частности*.

Кроме этого, в многонациональных и поликонфессиональных обществах, к каковым принадлежит и Россия, в *условиях системных кризисов происходит смена идентификационных критериев при регуляции межгрупповых отношений*. На первое место в соответствии с социально-психологическими закономерностями начинает выдвигаться этнический или еще шире – социокультурный, религиозный фактор. Этот фактор как наиболее древний в процессе филогенеза служит целям группового выживания.

Как действует этот социально-психологический механизм?

Когда появляется угроза существованию группы как субъекта межгруппового взаимодействия, на уровне психологического восприятия ситуации начинает преобладать идентификация по признаку крови, происхождения, религиозно-культурным основаниям.

Главное – начинает укрепляться тенденция к росту противостояния и напряженности по линии национально-этнических и религиозно-культурных различий. И именно эти параметры мотивации, как увидим ниже, являются теми факторами, которые «питают» современный международный терроризм.

3.2. Психологические концепции, релевантные для понимания феномена терроризма

Когда релевантность психологии в понимании терроризма подвергается анализу, появляется внушительное число работ, касающихся объяснительных концепций, которые лежат в основе природы человеческих взаимоотношений. Приведем их краткий обзор.

Психоанализ. В психоанализе разработан комплекс идей и концепций, представляющих интерес для понимания возможной мотивации терроризма (Лапланш, Поталис, 1996). Так, гипотеза З. Фрейда о том, что агрессия и насилие по отношению к властным структурам и символам власти представляет основную и примитивную часть человеческой психики, является интересной для понимания терроризма (Фрейд, 1998, 2006). Исходя из этой гипотезы,

можно представить, что терроризм, по крайней мере, отчасти – это усилие по разрядке примитивных импульсов, направленных в сторону власти. Возможно, наиболее продуктивный вклад Фрейда в понимание терроризма заключается в его концепции защитных психологических механизмов. Здесь важно проанализировать: будут ли террористы стремиться использовать спектр таких эго-защитных механизмов, как «поиск козла отпущения», проекция, отвержение, рационализация и подавление, в своей повседневной жизни. Эти защитные механизмы могут «оформлять» и направлять действия террористов на различные группы как потенциальные цели террористических действий.

А. Адлер разработал концепцию существования у человека имманентно неотъемлемой импульсивной потребности – побуждения, направленного на достижение превосходства, которое может искажаться вследствие неправильного развития. Этот импульс-потребность может трансформироваться в стремление к достижению превосходства, используя силу, доминирование и контроль. Согласно Адлеру, стремление к превосходству возникает как ответ на чувство неполноценности (Адлер, 2002).

Таким образом, имеет смысл исследовать гипотезу: не являются ли атаки террористов ответом на осознание неполноценности, что затем ведет к стремлению достичь превосходства путем использования асоциальных или антисоциальных форм поведения, включая насилие, агрессию и терроризм.

Другую объясняющую концепцию выдвинул Э. Фромм о невозможности многих людей успешно справляться с ситуациями неопределенности и неуверенности в жизни, следствием этого является стремление к слепой приверженности к властным фигурам как средству, позволяющему чувствовать себя в безопасности. Это проявляется в абсолютной конформности и избегании самостоятельного принятия решений, что представляется таким людям психологически невыносимым. В свою очередь, конформность обеспечивает ясное чувство идентичности и осмысления жизни. Получая власть, человеку не нужно больше принимать на себя индивидуальную ответственность за свои действия.

Это положение Фромма может пролить свет на природу терроризма, патологий, которые могут возникнуть из-за отрицания и неудовлетворенности базовых человеческих потребностей в идентичности, стремлении к совершенству, привязанности к группе и укорененности (Fromm, 1973).

Бихевиоризм. Принципы модификации поведения, разработанные бихевиоризмом (Skinner, 1971, 1978; Ferster, Skinner, 1974; и др.), позволяют предполагать, что действия террористов зачастую могут являться формами поведения с малым уровнем риска и высокими прибылями (подкреплением). Ситуации, когда многочисленные акты террористов приводят к успеху и связаны с минимальным риском с точки зрения их выживания, не так уж многочисленны. Несмотря на то, что некоторые террористические акции могут быть неудачными, те, которые оказались успешными, обеспечивают достаточное подкрепление для проведения будущих террористических актов. Учитывая потенциал предсказания скиннеровского метода последовательного подкрепления (например, коэффициент изменчивости), его можно в дальнейшем разрабатывать и использовать в исследованиях терроризма.

Большой вклад в понимание терроризма внес представитель социального бихевиоризма А. Бандура (1999, 2004). Его концепция моделирования реальности, имитации и стремления к самоэффективности, по-видимому, является релевантной для понимания терроризма.

При объяснении терроризма он привлекает концепцию внутренних санкций, которая играет центральную роль в регуляции бесчеловечного, жестокого поведения. В процессе социализации люди вырабатывают и адаптируют моральные стандарты и критерии поведения. После достижения личного контроля люди регулируют свои действия, опираясь на внутренние санкции, которые они применяют к себе самим. Они совершают поступки, которые дают им чувство самоудовлетворения, самоэффективности и собственной значимости. И они воздерживаются

от таких форм поведения, которые нарушают их собственные моральные стандарты, поскольку такое поведение вызывает у них чувство самоосуждения.

Однако моральные стандарты не функционируют как жестко фиксированные внутренние регуляторы поведения. Внутренние регуляторные механизмы не действуют до тех пор, пока они не «активированы ситуацией». И существует множество психологических процессов, посредством которых контролирующие реакции могут «выключаться». *Селективная активация и «выключение» моральных внутренних санкций* допускает различные типы поведения при одних и тех же моральных стандартах.

Это выключение может корениться на изменении оценки пагубного, опасного поведения как героического посредством морального оправдания на основе социального сравнения; преступники могут минимизировать свою роль в нанесении вреда другим людям посредством распределения (диффузии) и замещения ответственности. Это «выключение» моральной регуляции может опираться на механизмы дегуманизации жертв терроризма и их обвинения за причиняемые им страдания. Таким образом, механизмы «морального выключения» – морального оправдания, социального сравнения «в свою пользу», замещения и распределения ответственности, приписывания вины, дегуманизации и др. (подробнее см.: Bandura, 1999, 2004) – могут привлекаться для объяснения террористических операций и мотивации терроризма.

Патопсихология. Одним из широко распространенных является положение, согласно которому индивиды, намеренно убивающие других людей, – это социопаты, или патологические нарциссические личности. Их стремление использовать насилие безо всяких угрызений совести свидетельствует о вероятности наличия у них психических отклонений (см., например: Reich, 1998).

Однако важен тот факт, что террористические акты часто совершаются в ответ на высшие призывы от имени религии или под флагом освобождения. Террористический акт, прежде всего, является сознательным, намеренным действием, совершаемым при минимальном угрызении совести. Многие террористы могут отделять свои действия от разрушений, причиняемых этими действиями.

Психология личности. Специалисты проанализировали множество личностных конструктов, релевантных для понимания терроризма (Адорно и др., 2001; Гиппенрейтер, Фаликман, 2006; Леонгард, 1981; Frager, Fadiman, 2002 и др.). Такие личностные характеристики, как авторитаризм, фанатизм, моральное поведение, нетерпимость к неопределенности, включаются в анализ синдрома «истинного правовежного», стремящегося разрушить жизнь других людей. Возможно, что движущие силы быстрых социальных изменений связаны с проявлением пренебрежения и неуважения к традиционным способам жизни, нетерпимости к другим точкам зрения и представлениям. Именно иностранец, «чужой» рассматривается как угроза существованию устоявшейся картины мира. Возникает стремление слепо следовать за харизматическими лидерами, которые предлагают упрощенные, но внешне логичные ответы и быстро вызывают в сознании ведомых реакции, снижающие состояние стресса и неопределенности.

Социальная психология. В рамках социальной психологии осуществляется ряд исследований, раскрывающих сущность феномена терроризма, этноцентризма, дегуманизации, подчинения, предрассудков, групповой психологии, социальной идентичности, конформизма и враждебности по отношению к внешним группам (Бэрон, Бирн, Джексон, 2003; Журавлев, Соснин, Красников, 2006; Майерс, 2007; Налчаджян, 2000; Стефаненко, 2007; Триандис, 2007; Aaron, Reck, 1999 и др.).

Разрабатывается проблема понимания различных картин мира и жизненных стилей (кросскультурная психология), а также проблема разрешения противоречий и напряженности, возникающих в результате осознания различий в человеческом поведении. Проведены многочисленные исследования конформности, альтруизма, искажения восприятий и проблем дове-

рительности. Такие темы, как психология общения, социального влияния и социального сравнения, также могут служить отправными точками для изучения терроризма.

Осуществлен всесторонний анализ феноменов зависти и ревности как мотивов поведения, особенно поведения в состоянии гнева и раздражения. Люди могут быть настолько поглощены завистью и ревностью, что прибегают к патологическим формам поведения. Ревность и зависть – это примитивные, основанные на потребности выживания эмоции. И в случае терроризма, возникающие ярость и негодование могут связываться с воспринимаемой борьбой за выживание. В этих случаях негодование достигает большой интенсивности, легко оправдывая преступное поведение в сознании террориста.

3.3. Социально-психологические основания терроризма

Каждый индивид может иметь свои личные причины вступления в террористическую группу. И естественно, важно понимать эти причины. Однако в социально-психологическом анализе важно делать акцент на идентификации групповых факторов, способствующих возникновению террористических образований⁵. В этой связи есть смысл подробно остановиться на выделении важнейших социальных и политических структурных оснований, связанных с базовыми социальными потребностями людей, выступающими главными причинами возникновения феномена современного терроризма⁶.

Очевидно, первичным источником всех форм терроризма является конфликт. Он возникает тогда, когда двое или более субъектов (индивидов или групп) имеют взаимно исключающие цели (Соснин, 1979; Burton, 1990). Поэтому возникает вопрос – какие условия побуждают группу людей выбирать экстремальную тактику терроризма?

Психологи выделяют четыре категории мотивов и потребностей в качестве базовых оснований и структурных причин, способствующих возникновению терроризма (Burton, 1987).

Первая потребность – это потребность, которую Стауб (Staub, 2001) назвал *«трудные жизненные условия»*, т. е. потребность в пище, в здоровье, в наличии «крыши над головой» для себя и семьи. Гигантский разрыв между имущими и неимущими людьми во многих странах и регионах мира может приводить к образованию и поддержке различных повстанческих и террористических групп. Люди, которые фактически не имеют материальных жизненных ресурсов (и, следовательно, почти ничего не могут потерять), становятся первыми кандидатами для вступления в экстремистские организации, если их членам обещают лучшие условия жизни после того, как имущие будут лишены власти.

Для многих мусульман, живущих в бедности, могут оказаться привлекательными идеи бен Ладена и Аль-Каиды, которые могут восприниматься в обыденном сознании как борцы против преуспевающих Соединенных Штатов и Запада в целом. А палестинцы из числа террористов-смертников могут находить оправдание еще и в том, что были соблазнены денежными вознаграждениями, обещанными их семьям после их смерти.

Вторая базовая потребность – это *потребность в безопасности*, неудовлетворение которой зачастую ведет к возникновению страха (Christie, 1997). Состояние страха может иметь реалистическую основу или быть преувеличенным. Преувеличенные страхи основаны на неадекватном восприятии опасности, т. е. на искажении реальности до такой степени, что она начинает видаться и детерминироваться самими страхами.

Хотя восприятие мнимой опасности может субъективно переживаться так же реально, как и объективная опасность, разграничение между ними становится исключительно важным,

⁵ Мотивация террористической активности на индивидуальном уровне рассмотрена в соответствующем разделе данной монографии.

⁶ Это ограничение касается также и рассмотрения оснований криминальных и патологических форм терроризма.

когда начинают анализироваться последствия. Как отметил один из известных исследователей проблемы терроризма Р. Уайт (White, 1984), реалистический страх – это «здоровый» страх. Реалистически обоснована опасность террористических атак для России со стороны террористических групп в регионе Северного Кавказа, как и для Соединенных Штатов со стороны террористической организации Аль-Каида. Этот вид страха может приводить к разработке реально обоснованных мер противодействия.

Чрезмерно преувеличенный страх, с другой стороны, по крайней мере частично, – это страх, основанный на искаженном восприятии, следовательно, он может приводить к неадекватным мерам противодействия. В частности, может иметь место такое экстремально-эмоциональное реагирование на потенциальный источник опасности, которое блокирует рациональный анализ ситуации. Это, в свою очередь, может запускать механизм формирования образа «коварного врага» или «козла отпущения». Преувеличенный страх может также порождать эскалацию насилия как ответную реакцию на угрозу. И наконец, преувеличенный страх может приводить к ошибочному анализу реальных опасностей и, соответственно, к появлению неадекватных реакций на реальные угрозы.

Типичным примером в этом отношении могут служить Соединенные Штаты. Постоянная сосредоточенность американских властей на внутренней безопасности страны приводит их к ошибочному представлению о том, что они предпринимают все необходимые меры для предотвращения возможных катастрофических актов террора, они упускают из виду важность борьбы с первичными, базовыми причинами террористических угроз – как социально-экономическими, так и политическими (Wagner, Long, 2004).

Третья базовая социальная потребность – это *потребность в самореализации*, т. е. в способности принимать собственные, независимые решения в отношении своей жизни, в свободе и достижении счастья. Многочисленные повстанческие группы, стремящиеся либо к достижению политической власти, либо к автономии, как правило, наглядно иллюстрируют это основание возникновения терроризма (например, террористические группы Шри-Ланки, Чечни, Кашмира, соперничающие группировки в Анголе и других частях Южной Африки).

Потребность в самоопределении в своей основе – это проблема власти. Страх потерять власть, по-видимому, является одной из возможных причин государственного терроризма, т. е. использования властными структурами террористических тактик против собственного населения, чтобы удержать его в подчинении.

Четвертой базовой потребностью является *потребность в социальном признании и уважении*, т. е. в признании другими группами ценности социальной идентичности собственной группы, своего этнического, религиозного или культурного группового членства. Некоторые конфликты, основанные на потребности в социальном признании и уважении, имеют долгую историю. Например, конфликт в Северной Ирландии между католиками и протестантами продолжается более трехсот лет. Его суть – в попытках католиков вернуть или, по крайней мере, «сбросить» доминирование протестантов в политических и экономических структурах Северной Ирландии (Pick, 2001).

Однако осознание того, что потребность в уважении является критически важной социальной потребностью людей, по-видимому, начинает признаваться и политическими элитами, и исследователями только в последние десятилетия XX в. (Darby Gallagher, 1991). Возрастающая значимость потребности в социальной идентичности (или шире – социокультурной идентичности) народов на Ближнем Востоке, где национальные границы (Ирак, Израиль, Иордания, Ливан) исторически не совпадают с этническими географическими границами, установленными ранее кочевыми народами, по-видимому, связана с двумя социально-политическими факторами:

во-первых, с навязанной «законностью» национальных границ, установленных колониальными империями;

во-вторых, с изменением и затуханием (по крайней мере, видимым) соперничества между двумя сверхдержавами после развала Советского Союза в конце 1980-х годов.

Следствием действия этих факторов явилось то, что некие этнические группы, находящиеся в антагонистических отношениях с другими группами, произвольно размещенными в их границах, занимают доминирующее положение.

В результате ослабления заявленного противоборства между США и СССР обострились многие этнические разделения и антагонизмы, которые были скрыты под покровом конфликта между капитализмом и коммунизмом. Прекращение военной и политической поддержки диктаторским режимам, неразрывно связанным либо с западным, либо с восточным блоком, привело к возрастанию значимости ранее скрытой социокультурной идентичности многих народов. Например, многие бывшие «клиенты» США, такие, как шах Р. Пехлеви в Иране, потеряли однозначную и твердую поддержку. То же самое можно сказать и в отношении представителей советского блока. В частности, Югославия распалась на ряд этнических образований (Сербия, Хорватия, Словения, Македония и др.). Чехословакия разделилась на Чешскую Республику и Словакию. Наша страна болезненно переживает период отделения ряда бывших социалистических республик от России.

Происходящее перераспределение политической власти и возникновение новых групповых социальных идентичностей было невозможно в период конфронтации восточного и западного блоков. Однако в 1990-е годы была утрачена возможность поддерживать в состоянии искусственного «замораживания» потребность в признании и уважении социокультурной идентичности этнокультурных групп и народов.

Трудные жизненные условия, отсутствие безопасности, возможности самоопределения, а также девальвация традиционных ценностей социокультурной группы – все это в совокупности становится «социокультурной основой», «проводником» для формирования экстремистской идеологии и мотивации действий, для возникновения феномена современного терроризма.

3.4. Социально-психологические аспекты глобализации

В связи с нарастанием в современном мире процессов глобализации представляется оправданным проанализировать социально-психологические аспекты этого геополитического и экономического феномена в связи с мотивацией международного терроризма.

Глобализм и глобализация чаще всего понимаются как «объективный процесс прогрессивного развития» человеческой цивилизации вообще, растущая интеграция мира, создание единого экономического и информационного пространств. Причем подразумевается, что единственной доминирующей моделью интеграции является идейно-ценностная парадигма западной цивилизации. По сути, речь идет о формировании единого финансово-политического центра управления миром. Этот процесс в целом ориентирован: во-первых, на полную унификацию всех сторон жизни людей с тотальным контролем над ними через систему информационных технологий; во-вторых – и это особенно важно, – на целенаправленное ослабление и ограничение национального суверенитета и традиционного культурного уклада жизни отдельных стран. Хотя можно говорить и о других аспектах влияния глобализации на жизнь современных сообществ.

Признавая объективность интеграционных мировых процессов, оценивать их однозначно положительно, по меньшей мере, наивно. Сильные государства «золотого миллиарда» используют глобализацию как инструмент своего господства и «взламывания» всех охраняемых барьеров более слабых государств – финансово-экономических, территориальных, национально-культурных. Следствием глобализации является усиление конкуренции между представителями разных культур. Как справедливо отмечает М. Делягин, в условиях глобализации в современном мире возникает угроза глобальной стабильности. *Технологический разрыв*

между развитыми странами и остальным миром стал непреодолимым. Возникло понятие «конечных стран», навсегда утративших саму возможность приобщиться к современным технологиям и отодвинутых на периферию мирового развития. На повестку дня встал грозный вопрос глобального энергетического кризиса. Идет колоссальное обострение борьбы за нефть, газ, уголь, энергоресурсы. И в нее вовлечены все страны мира. С другой стороны, глобализация стремительно приобретает характер конкуренции между цивилизациями. Участники конкуренции отвергают друг друга не просто в силу различного отношения к вопросу о власти и экономической безопасности (хотя этот аспект и является одним из базовых источников этой конкуренции), а в силу различий в самом образе жизни (Деягин, 2003, 2004).

В 2001 г. президент Буш объявил «модернизацию» исламского мира и его «переустройство» одной из стратегических целей США в соответствии со шкалой ценностей и приоритетов западной цивилизации. Большинство людей, входящих в политические, экономические и религиозные элиты стран исламского мира, отдают себе отчет в том, что в этой глобальной конкуренции один из главных ударов будет наноситься по Исламу как его главной цементирующей духовной основе. Поэтому цивилизационная экспансия западного мира во главе с США для многих стран, не входящих в «золотой миллиард», и особенно стран исламского мира, с точки зрения восприятия ими ситуации в мире, оценивается *как аналог цивилизационного терроризма*. Таким образом, притязание группы государств на доминирование в мировом сообществе становится психологической почвой для возникновения ненависти и мести, особенно при соответствующем идеологическом и религиозно-фанатическом оформлении, а так называемый исламский терроризм – это лишь одна из форм проявления этих чувств.

Если говорить о ситуации в России как многонациональной стране, то она во многом сходна с ситуацией в странах исламского мира. Россия – страна с многовековыми традициями коллективистической культуры. Принципы коллективной взаимопомощи, следования нравственным нормам Православия, Корана, приоритета целого над частным заложены в архетипах всех основных коренных народов России. Поэтому «слом» традиционной национальной жизни, ориентация российской власти на «встраивание» в систему глобального западного сообщества с присущим ему приоритетом индивидуалистических ценностей вызывает у подавляющей массы населения нигилистические умонастроения. На этой основе возникают противоречия между этническими группами по признаку «крови», социально-культурным и религиозным основаниям, так как в кризисных ситуациях именно эти параметры выступают на первое место в межэтнических взаимодействиях. Соответственно, русский этнос как государствообразующий становится основным «козлом отпущения» для других, ответственным, с их точки зрения, за все, что происходит в стране. Это питает сепаратистские настроения со стороны ряда этнокультурных групп, в том числе террористические тенденции внутри страны. Ситуация усугубляется тем, что и в составе русского этноса растет численность прослойки людей (особенно среди молодого поколения), убежденных в ущемленности русского народа, это проявляется в неадекватных реакциях части молодежи на экспансию этнической миграции, в росте ксенофобии и обострении противостояния по этническим признакам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.